

Прежде чем иволга пропоет

Автор:

Елена Михалкова

Прежде чем иволга пропоет

Елена Ивановна Михалкова

Новый настоящий детектив Елены Михалковой

Ей обещали, что это тихое место. Ей обещали, что она спокойно отдохнет. Карелия. Озеро. Благоустроенные коттеджи. Всего десять туристов. На золотом крыльце сидели: Лжец, Беглец, Охотник, Убийца, Жертва. Ее не предупредили только об одном: придется выбрать, кем ты будешь.

Елена Михалкова

Прежде чем иволга пропоет

© Михалкова Е., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Динка

Как я здесь оказалась?

Благодаря роману «Униженные и оскорбленные». Нет, серьезно. Потрепанная книжка в бумажной обложке валялась в «обменном пункте» – на батарее в подъезде. Я сунула ее в рюкзак. Забегая вперед, скажу, что она стала единственным, что мне удалось забрать из собственного дома.

Я вспомнила о ней, когда ловила на трассе попутку. Не совсем точное слово: пути-то как такового не было, лишь намерение убраться отсюда как можно дальше. Да, в Москве я нашла бы и работу, и крышу над головой, но иногда дорога в ад выстлана именно разумными решениями.

Так что я выбрала неразумное.

Пока на шоссе не было машин, я уткнулась в роман. Какой смысл голосовать, если тебя никто не видит? Но серая «Тойота» подъехала бесшумно и обнаружила себя только тогда, когда из-под колес полетел гравий прямо мне под ноги.

– Что читаем? – спросил водитель, опустив стекло.

Молодой парень. Глаза темные, быстрые, веселые. Лихач, могу поспорить.

Я убрала книжку за спину и наклонилась так, чтобы его лицо оказалось на уровне моего.

Рассказы о том, что за десять секунд можно оценить, насколько опасен человек, – вранье. Здесь или повезет, или нет. Но что действительно можно проверить, так это запах от водителя.

У меня чертовски хорошее обоняние. Никогда не видела от него ни малейшей пользы. Три часа в компании мужчины в несвежих носках – и вы будете молиться о насморке.

Так что я всего лишь принялась.

Лимонный освежитель воздуха и одеколон с нотами апельсина. Да ты у нас, дружок, любитель цитрусов? Во всяком случае, парень не курил в машине, а это уже было неплохо.

– Не подбросишь до Твери? – спросила я.

Не знаю, откуда взялась Тверь. Возникла в последнюю секунду, должно быть, по созвучию: мне вдруг пришло в голову, что передо мной должна открыться новая дверь. Дверь – Тверь, понимаете? Ладно, я не претендую на то, чтобы сказать новое слово в поэзии. Но смешно же!

Знай я, куда приведет меня эта дверь, шарахнулась бы от «Тойоты» как от гроба со своим именем на крышке.

– Надеюсь, это не пособие по ограблению водил? – неуклюже пошутил он.

Я показала Достоевского, и парень округлил глаза.

– Ты с филфака, что ли?

– Нет, просто книжка нравится.

– Ладно, забирайся.

По дороге он болтал о себе (жена, ипотека, родители на Урале, брат-неудачник, дети-бандиты). Пытался и меня расспросить, откуда я взялась на обочине, в мартовской грязи, с томиком Достоевского, но быстро понял по моим ответам, что я не из тех, кто любит исповедоваться случайным попутчикам. Надо отдать парню должное: он тут же отстал.

Правда, не удержался, чтобы не продемонстрировать, как круто он водит. От обгонов и резких торможений на скользком шоссе меня начало укачивать, и я незаметно задремала.

Проснулась оттого, что заглушили мотор.

Мы стояли на асфальтированной площадке перед длинным одноэтажным строением из белого кирпича. Обшарпанная вывеска гласила: «КАФЕ ПРИБОЙ».

– В уборную заскочу, – сказал Игорь. – Тебе не надо? До Твери еще минут сорок.

Я покачала головой и вышла размяться.

Дальний конец площадки был занят тремя грязными фурами. Легковушек, кроме нашей, не оказалось, но, судя по размерам стоянки, это место было рассчитано на большое количество машин.

На двери кафе висело объявление всего из двух слов: «Требуется официантка», написанное от руки.

Мой перевозчик все еще топтался около биотуалета, дожидаясь своей очереди, и я вошла внутрь.

Просторное помещение. Много столиков, но безлюдно. Заняты были только два места, и, приглядевшись, я поняла, что это водители фур.

Похоже, мы попали в тихий час.

Возле окна возился парнишка лет шестнадцати, размазывая пыль по стеклу сухой тряпкой. Между рамами лежали ногами кверху три засушенные мухи.

– Привет, – сказала я. – Кто у вас за старшего?

– Дядя Паша, – буркнул тот, не оборачиваясь.

– Как бы с ним поговорить? Насчет работы.

Паренек сунул тряпку за батарею и убежал.

Ждать пришлось долго. От нечего делать я стала считать машины, проносящиеся по трассе.

Полезно время от времени останавливаться и подбивать баланс: что у меня в плюсе, а что в минусе? «Осознанность – это навык», – учил Ясногородский.

Итак, шестого марта две тысячи девятнадцатого года у меня не имелось: денег, своего дома, работы, профессии, друзей, семьи... И завтрашнего дня.

А что у меня есть?

– Это ты меня искала?

Здоровенный красномордый дядька в тельняшке стоял, сложив руки на груди. Разглядев меня, он фыркнул. Остро пахнуло чесноком. Хороший запах! Многие со мной не согласились бы, но я люблю, когда от мужчин несёт чесноком. Там, где я питалась последние три года, пахло варёными тряпками.

– Девочка, где твои родители?

– Я по объявлению, – сказала я, не обратив внимания на шутку.

Он покачал головой.

– Забудь. Дохлый номер!

– Вам нужна официантка.

– Официантка, а не геморрой. Ты, – он легонько ткнул меня в плечо, – геморрой.

– Мне двадцать два. Хотите, паспорт покажу?

– На кой он мне ляд? Паспорт, что ли, будут щипать за ляжки? Мне проблемы не нужны. Ты хоть понимаешь, кто наш клиент? Водила. Дальнобойщик. А тут – ты! Короче: это все несерьезный разговор. Эй, Гоша! – Он щелкнул пальцами, и парень торопливо обернулся. – Налей этой супу. Поешь – и уматывай. Больше я тебе ничем помочь не могу.

Он враскачку пошел по направлению к кухне.

Не хотелось ему чесать кулаки о морды дальнобойщиков, решивших позаигрывать с молоденькой официанточкой, и я его понимала. Но мне пришлось по душе это место. И обшарпанная вывеска, и красно-белые клеенки на столах, и запах стряпни, которым окатывало меня каждый раз, как распахивалась кухонная дверь... Все было какое-то очень живое, яркое и грубое,

точно чесночная вонь.

– У тебя все равно нет работника, – сказала я в спину хозяину. – А я уже здесь. Могу начать хоть сейчас. Если что-то пойдет не так, ты всегда можешь меня выставить. Но оно не пойдет.

Уверенность в моем голосе заставила его обернуться.

– Половина потока у тебя – постоянные клиенты. – Я заметила, как он прищурился, и быстро исправилась: – Нет, больше – процентов семьдесят. Зачем им с тобой ссориться?

– Тебе и тридцати хватит.

– С тридцатью как-нибудь разберусь.

Хозяин почесал нос. Бросил взгляд на юного Гошу. Я сообразила, что мальчишка временно исполняет обязанности официанта. Если он обслуживал клиентов так же расторопно, как мыл окно, на месте дальнобойщиков я выбрала бы другое заведение.

– Работала раньше официанткой? – хмуро спросил он.

– Конечно, – соврала я.

– А что с медкнижкой?

– Нету.

Он недовольно пожевал губами. Но медкнижка делается за два дня, и мы оба это знали.

– Как звать-то тебя?

– Дина Владимировна, – церемонно сказала я.

Он усмехнулся.

– Целая Владимировна... Вещи где, Владимировна?

Увидев рюкзак за спиной, хотел что-то добавить, но удержался.

Не знаю, что он подумал обо мне. Честно говоря, мне было плевать. Я хотела это место – и я его получила.

Дальнобойщики называли наше заведение «У дяди Паши». Однако официальное название – «Прибой» – никто не менял, потому что на дороге к Питеру пару лет назад построили забегаловку, над которой повесили неоновую вывеску «У дяди Паши», хотя заправляли там, по слухам, армяне. Того Пашу, фальшивого, водилы не любили.

В отличие от нашего.

Хозяин сам готовил на кухне вместе со своей женой Оксаной – бледной пухлой бабой с пугающе невыразительным взглядом. Меню было небольшое, простое, но сытное. Обязательная солянка, свинина в горшочке, жареные цыплята, гречка и говядина с подливой, пара салатов, сладкий компот, до половины стакана честно наполненный сухофруктами. Блинчики и пирожки.

Первое время при каждом удобном случае я воровала еду. Сырую картофелину сгрызала за двадцать секунд. Соус вычерпывала половником и выпивала через край. Отварная гречка с маслом? Я продала бы за нее душу, но этого никто не требовал, и я, точно хомяк, набивала рассыпчатой горячей крупой щёки. Однажды съела сырую луковицу – сладкую, сочную, как яблоко. Хозяйка стояла в двух шагах, но удержаться я не смогла. Меня не вышибли лишь потому, что Оксана не поверила, будто можно сожрать луковицу весом в триста граммов, не уронив ни слезинки.

Ее муж, кажется, что-то подозревал. Но я работала на совесть, и у него действительно не было со мной проблем.

Если он ожидал, что я стану всеми способами пытаться прибавить себе солидности, то просчитался. В первый же день я заплела две куцые косички, едва закрывавшие уши, и натянула длинную футболку, к которой накануне вечером пришила по низу оборку из цветастой тряпки, валявшейся в подсобке. Мне выделили каморку рядом с ней, размером с купе поезда. Единственное, что я проверила, когда мне ее показали, – запирается ли дверь изнутри. О да – она запиралась! Кажется, я чуть не засмеялась от счастья под хмурым взглядом Оксаны.

Но все остальное меня устраивало. Кровать, окно, задвижка. Больше ничего и не требовалось.

Хозяин, увидев меня в первое утро с косичками, крикнул. «Малолетка», – прочла я в его взгляде.

Но все прошло как нельзя лучше. Носясь с подносами между столиками, я время от времени ловила свое отражение в мутном оконном стекле: девочка-подросток в заношенном платице, тощенькая бледная замухрышка.

Я будила не сексуальные инстинкты, а родительские.

– Мечта педофила, – не удержался хозяин, наткнувшись на меня в очередной раз.

– На то и расчет, – сказала я.

Никто не хочет выглядеть педофилом. Со мной обращались подчеркнуто уважительно. Среди постоянных клиентов распространился слух, что кормилец, как в шутку называли хозяина, взял на работу свою внебрачную дочь. Не стану утверждать, что не приложила к этой басне руку.

До меня в «Прибое» работали посменно две официантки. Одна – сестра Оксаны, и именно она ушла со скандалом за день до моего появления. Вторая – Мариша: болезненная женщина, вечно охавшая и жаловавшаяся на ноги, хотя, по-моему, она могла бы пешком дойти до Магадана.

Мне бы поинтересоваться у нее, отчего хлопнула дверью сестра. Но я этого не сделала.

С первой зарплаты я отправилась в город на рейсовом автобусе и купила акриловые краски, карандаши, бумагу и принадлежности для рисования. Вернувшись, разложила покупки на кровати и стала рассматривать, впитывая в себя яркость цветных карандашей, белизну бумаги – мягкую, молочную, шершавую... И, конечно, краски.

– Умбра и охра, – повторяла я нараспев, раскачиваясь, как шаман перед молитвой, – умбра и охра! Ак-ва-ма-рин!

Дверь приоткрылась. Хозяйка озадаченно уставилась на меня. В своем тихом счастливом безумии я забыла о задвижке.

– Это еще что?

Тон у нее был такой, словно она обнаружила на моей постели россыпь марихуаны.

– Это для рисования, Оксана Петровна.

– Оно тебе зачем?

«Перья на попе малевать».

Вслух я этого не произнесла, конечно. Только сказала, что как это ни удивительно, но – для рисования.

Она шмыгнула носом и вышла, чем-то очень недовольная.

Кроме красок, я привезла в свою новую обитель духи. «Ландыш серебристый» пах не совсем так, как я запомнила. Наверное, столько лет спустя его состав изменился. Но мне достаточно было и эха прежнего аромата. Я не пользовалась духами днем, но вечером, перед сном, осторожно пшикала на запястье и засыпала в облаке сладкого ландыша. К утру он развеивался.

К концу мая я освоилась в «Прибое» окончательно. Запомнила постоянных клиентов в лицо, а многих и по именам. Перестала воровать еду. Вечно мучивший меня голод за два с половиной месяца наконец-то утих. Поправилась, на щеках появился румянец. В свободное время, которого у меня, по правде сказать, было немного, рисовала или бродила по окрестностям.

Эта монотонная жизнь без всяких мыслей, без событий, без общения – хозяева и уборщица не в счет – меня полностью устраивала.

Во всяком случае, так мне казалось до появления того парня.

Он появился третьего июня, около десяти утра. Я подошла к столику.

– Здравствуйте, что будете заказывать?

Не совсем наш клиент. Пожалуй, совсем не наш. Синяя футболка с маленьким белым китом на груди, джинсы, дорогие кроссовки. Чистые руки с длинными пальцами. Всегда обращаю внимание на пальцы. Такие красивые, хорошо вылепленные кисти...

Он перевел на меня взгляд. Глаза голубые, с расходящимся от зрачка желтым кругом.

«Центральная гетерохромия», – вспомнила я научное название. Разная окраска участков радужной оболочки глаза.

Честно говоря, я смутилась – впервые за все время работы в «Прибое». Он ничего не говорил, не заказывал, не тыкал пальцем в меню (некоторые любят произнести через губу: «Дэушк, мне это, это и это», как будто они сами себя сглазят, если произнесут: «Жареную картошку и котлету по-киевски»), просто смотрел на меня, прищурившись, словно вспоминал, при каких обстоятельствах встречал меня раньше.

В общем, обычный парень, довольно симпатичный. Но говорю же – не наш клиент. Такие одинокие, прилично одетые чуваки выбирают заведения посolidнее. Компания дальнобойщиков в резиновых сланцах, из которых торчат

голые пальцы (как правило, без педикюра), не всем по душе.

– Борщ, пожалуйста, – сказал он. – Чай с мятой... Есть у вас чай с мятой?

– Конечно.

– И какую-нибудь выпечку.

– Блинчики с медом подойдут?

– Да, отлично.

Я передала заказ на кухню, вернулась в зал, но все время, убирая грязную посуду и принимая новые заказы, чувствовала на себе легкий взгляд.

Он наблюдал за мной, не вызывая, а спокойно, с любопытством. Так можно поглядывать на кошку. На птицу. На любой движущийся объект.

Когда я поставила перед ним тарелку с супом, он спросил, не знаю ли я, есть ли поблизости монастырь или церковь. Я исследовала этот район не больше чем на десять километров вглубь, о чем честно ему и сказала.

– Поблизости точно нет, – добавила я. – Если хотите, могу спросить у дяди Паши.

– Это же не ваш родственник, правда? – усмехнулся парень.

Я улыбнулась в ответ.

– Нет. Это повар. И хозяин.

– Кафе у него давно?

– Не знаю. Я сама-то здесь недавно.

Мне показалось, он пытается меня задержать своей болтовней. Действительно хочет поговорить, а не просто клеится к милой официантке. Не то чтобы я была

против... Но из кухни вышла Оксана, вытирая руки полотенцем, окинула взглядом зал, нахмурилась, увидев меня, и кивком приказала зайти на кухню. Я бросилась к ней.

– Свиная холодная, что не несешь?! – набросилась она на меня.

Свинину в горшочках только что вынули из духового шкафа. Обычно мы не подаем такую горячую еду, она должна хотя бы немного остыть, чтобы пар из-под крышки не обжег клиента. Но я промолчала. Хозяйка в последнее время все чаще зла без повода и придирается по ерунде.

Когда я вернулась, парень с явным удовольствием ел суп. Потом сидел, читая что-то в смартфоне; я принесла блины, и он молча кивнул.

Я уже решила, что он со мной больше не заговорит.

Но как только я положила перед ним счет, он вновь поднял на меня взгляд.

– Я еду в Карелию. – Говорил он спокойно, даже задумчиво. – Там турбаза, то есть не турбаза, а просто дома на озере. На фотографии выглядит классно. Вот, у них на сайте есть картинка... – Он зачем-то показал мне экран телефона, а я зачем-то наклонилась и посмотрела.

И правда, классно. Сосны, озеро, бревенчатый коттедж с верандой, залитой солнцем.

– Поедешь со мной?

Я вздрогнула и уставилась на него.

– Я снял его на три недели, – добавил он, как будто это что-то объясняло. – Внутри есть кухня... и хозяева обещают, что раз в два дня будут доставлять свежий творог. Всякие другие продукты тоже, само собой. Ты любишь творог?

Все это звучало дико. Дом, Карелия, творог... Дико – и в то же время как-то очень естественно. О любом другом человеке, предложившем мне такое, я подумала бы, что он псих.

– Послушай, я ведь серьезно. – Парень поднялся. Никто не смотрел в нашу сторону. – Если ты останешься в своем кафе, ты здесь сгниешь. Что тебя ждет? Ваша главная уже зыркает на тебя как волчица, беспокоится, что ты совратишь ее дядю Пашу. – Я вздрогнула. – Дальше будет хуже. Месяцем раньше или позже, тебе все равно придется отсюда сбежать. Почему бы не сейчас?

«Решил бесплатно потрахаться на отдыхе?» – хотела зло спросить я. Но почему-то не спросила.

Может быть, из-за того, что он догадался о мыслях Оксаны быстрее меня, хотя я живу рядом с ней почти три месяца, а он видел ее десять секунд.

– Если что, я не ищу себе девочку для развлечений, – добавил он. – Просто ты мне нравишься.

Я покачала головой.

Безумие. Уехать черт знает с кем, бросив все?

«Что я такого бросаю, о чем могла бы пожалеть?»

– Понимаешь, это все – подделка, – вдруг сказал он. – Может, тебе и кажется, что оно настоящее... Но нет. Только не для тебя. Ты же вообще не отсюда. Сама разве не замечаешь?

– Слушай! – Я наклонилась к нему, заговорила тихо и зло. – Слушай сюда. Ты ничего обо мне не знаешь! Понял? Кто ты такой, чтобы вот это все?.. Кто тебе разрешил?

– Я – Кирилл, – сказал он. – Вон «Ауди». Если тебе что-то не понравится, ты в любую минуту сможешь уехать. Там машина ходит до райцентра... Но тебе понравится.

Я подумала, что он говорит со мной точно так же, как я – с дядей Пашей при первом знакомстве. И с той же уверенностью.

– Ты мне уже не нравишься, – сказала я.

Но это была неправда.

– А вот ты мне – очень.

Он взял мою ладонь. Пальцы у него были сухие и теплые.

«Месяцем раньше или позже, тебе все равно придется отсюда сбежать».

– Эй, ты! – раздался оклик.

Ко мне направлялась Оксана, пыша яростью. Отчего-то ее взбесило, что незнакомый парень держит меня за руку. Я никогда не видела ее в таком состоянии; клянусь, если бы вокруг не было свидетелей, она врезала бы мне – это явственно читалось на ее побагровевшей физиономии, выглядевшей как тестяной ком, по которому симметрично размазали два пятна кетчупа. И дело было не в том, что я кого-то не обслужила.

– Ты, мать твою, что здесь устраиваешь... – Хозяйка схватила меня своей огромной пятерней чуть выше локтя, забормотала мне на ухо. На нас стали оборачиваться. – Тебя, шалашовку, подобрали, отмыли, а ты – тощей жопой перед мужиками вилять? На кухню пошла!.. Сучье племя!

Я взяла со стола грязную вилку и несильно ткнула ей в руку. Оксана охнула и отшатнулась.

Я обернулась к Кириллу:

– Мне нужно пять минут.

Но потребовалось не больше трех. Краски, мастихин, мольберт, карандаши... Флакончик «Ландыша». Кажется, все. Я вышла с пакетом в одной руке, с рюкзаком в другой. В той самой футболке с цветастой оборкой, в которой работала первые дни.

Кирилл ждал возле машины. Я села на переднее сиденье и принялась.

Пахло кожаным салоном. А еще – пыльной дорогой и ранним летом.

Глава 2

Сыщики

В квартире был бардак. Раз-бросанные вещи Сергея Бабкина не смущали – за время оперативной работы он повидал такие жилища, где нужно было пробираться в темноте, точно крот, по узким норам, ведущим сквозь спрессовавшиеся груды хлама.

Но там не было попугайчиков.

А здесь были.

Один, увидев вошедшего в комнату Бабкина, сразу закричал и больше уже не замолкал. Второй, оценивающе скосив на Сергея круглый глаз, принялся вышвыривать ему под ноги опилки и что-то похожее на помет.

Бабкин никогда не держал попугаев. Он и представить не мог, что эти птички размером со сливу могут издавать звуки такой громкости.

– Чего он орет?

– Я, когда тебя в первый раз увидел, тоже орал, – сказал Илюшин.

Макар стоял, сунув, по обыкновению, пальцы в карманы джинсов, и с любопытством осматривался.

– Минуточку! – прокричали из коридора. – Буквально минуточку, я уже иду!

Но сначала в комнату влетели две лохматые собаки и с громким лаем кинулись на Бабкина и Илюшина. Один из псов запрыгал перед Сергеем, пытаясь облизать

ему лицо.

– Я ему сейчас шею сверну, – сквозь зубы процедил Бабкин.

– Не надо, – сказал Илюшин, ловко уклоняясь от своего. – Это лабрадор или помесь. Они добродушные, местами до идиотизма.

– У него воняет из пасти.

– Джоки! Шерлок! Фу, фу!

Следом за собаками вбежал хозяин. Попугаи завопили еще пронзительнее.

– На место! На место! Нельзя, я кому сказал!

Бабкин отметил про себя, что собаки слушаются владельца не больше, чем попугаи. Вся эта суматоха начала его утомлять. Илюшин откровенно веселился.

«Надо было настоять, чтоб этот растяпа сам к нам пришел». Но потенциальный клиент требовал, чтобы они осмотрели комнату его пропавшей жены, и Макар решил не разбивать знакомство на две части.

От Джока и Шерлока удалось избавиться только при помощи парня лет двадцати, бесцеремонно вытащившего обоих за шкурку.

– Это наш младший, Евгений, – вслед ему с гордостью сказал запыхавшийся хозяин. – Присаживайтесь, пожалуйста. – Огляделся, охнул. – Нет, минуточку! Сейчас, сейчас...

Он засуетился, пытаясь освободить места. Уронил со стульев стопки книг, разбросанную по дивану одежду сгреб в охапку и растерянно застыл, вертя головой по сторонам.

– Без Танечки совершенно не понимаю, куда все это... Как со всем этим справиться... Жека! Жека! – закричал он. – Помоги же мне скорее!

Бабкин изумился, представив, что сейчас вернется лабрадор. Однако на крик неторопливо пришел, что-то жуя, тот же парень, забрал белье и скрылся. Клетки с орущими птицами хозяин сам вынес в коридор.

Сергей наконец-то присел на диван и спокойно вздохнул. Благословенная тишина... Как они живут в таком гвалте?

– Беспалов, Павел Семенович, – зачем-то заново отрекомендовался клиент, ерзая на стуле. – А это – супруга моя, Танечка...

Он протянул им семейный портрет в рамке. Кроме Павла Семеновича, Жеки, Джока, Шерлока и еще одного юнца, с фотографии устало смотрела широкоплечая женщина со старомодной укладкой и одутловатым лицом.

Бабкин еще раз взглянул на хозяина.

Бородка. Животик. Очки. Вялые пухлые ручки, лежащие на коленях. Внешность обманчива, сказал он себе, нельзя исключать, что именно этими самыми ручками Павел Семенович расчленил супругу Танечку и вынес в мусорных пакетах из квартиры.

Обратился бы он тогда к частным сыщикам?

Не исключено.

– Расскажите, пожалуйста, с самого начала, – попросил Илюшин.

– Двадцать пятое мая. Да. Мая. Я проснулся утром – а ее нет. Просто нет! Исчез человек! – Он всплеснул руками.

«Плохое вступление».

Бабкин вспомнил семейную пару в Греции: муж вышел искупаться ранним утром перед завтраком, пока жена спала, вернулся в номер и обнаружил, что все вещи на месте, а комната пуста. Тяжкое было расследование, что бы там ни говорил Илюшин.

– Записка? – уточнил Макар.

– Нет, вообще ничего!

– Во сколько вы проснулись?

– Ну... по выходным я обычно поднимаюсь около двенадцати... И накануне я рано лег, но слышал, как Танечка вернулась с работы. Она заглянула в спальню, пожелала мне спокойной ночи, потом гремела на кухне посудой... Я задремал, так что не знаю, во сколько она пришла спать... Около полуночи, может быть.

– Вы уверены, что ваша жена ночевала дома?

– Абсолютно! Она, видите ли, постоянно будит меня, когда я храплю, и той ночью будила трижды. – В его голосе зазвучали обиженные нотки. – А ведь в моем возрасте уже тяжело засыпать, когда проснулся среди ночи!

– Сыновья видели ее утром? – спросил Бабкин. Все, что говорил Беспалов, он заносил в небольшой блокнот.

Тот замахал руками:

– Жека и Жора спят часов до двух, до трех! Мы все проснулись, поели... Да, собственно, – тут он сконфузился, – не сразу и спохватились. Поняли только по собакам...

– По собакам? – переспросил Илюшин.

– Да. Они скулили, просились на улицу, а потом Шерлок сделал лужу в коридоре. Тут мы с мальчиками поняли, что мамуля не вывела их с утра. Кинулись ей звонить – а телефон недоступен.

Илюшин стал задавать традиционные вопросы об отношениях в семье, о привычках исчезнувшей женщины, о ее здоровье, о друзьях и работе.

«Заместитель начальника планово-экономического отдела... – быстро записывал Бабкин. – Женаты двадцать пять лет... Подруг нет, досуг проводит с семьей... Машину не водит. Родители живут в Обнинске, приезжает к ним дважды в год

на праздники».

На вопрос об увлечениях Беспалов живо закивал:

– Как же, как же! Танюша очень любит готовить!

– А что-нибудь вне дома?

Он задумался.

– Вне дома, вне дома... Нет, ничего не приходит в голову.

Павел Семенович не смог вспомнить ни странных звонков на телефон жены, ни изменений в ее поведении, ни новых знакомств. Все выглядело так, словно размеренную жизненную рутину ничего не нарушало.

– А что с работой? – спросил Илюшин. – Коллеги и начальство не проявили беспокойства из-за ее исчезновения?

– Дело в том, что с понедельника она выходила в отпуск. Конечно, я приехал в их офис в понедельник с утра. Пришлось очень долго ждать на пропускном пункте... меня не хотели пускать! Меня! Ее мужа! – Он начал горячиться, вытер вспотевшие ладони о колени. – В конце концов показались какие-то две дамочки, сообщили, что понятия не имеют, где Таня. По-моему, они решили, что я пьян. Но она никогда раньше не исчезала!

«Вышла с утра за хлебом, дальше что-то случилось? – прикинул Макар. – Нет, исключено. Собачник не пойдет в магазин, не выгуляв прежде своих питомцев».

Тем временем Бабкин пытался добиться от хозяина, какие вещи его жены исчезли из квартиры.

Павел Семенович не совсем уверенно подвел его к шкафу.

– Нет ее паспорта и мобильного, я уже искал. И следователь расспрашивал. Кошелек исчез. Деньги, которые были дома, лежат в ящике... – Он показал три пятитысячных купюры. – Но что касается одежды... У меня плохая память на эти

все юбки, жакетики... Вот костюм ее на месте. А все остальное...

– Посмотрите, пожалуйста, что с обувью, – попросил Сергей.

Беспалов и здесь был бессилен. Кажется, сказал он, не хватает одной пары... Такой жесткой, черного цвета... А может быть, и кроссовок. Или это были кроссовки Жеки...

– Хорошо, а косметика? Кремы? – попытался Илюшин.

Павел Семенович жалобно посмотрел на него.

– Можно вы сами поглядите в ванной? Там этих баночек тысячи!

Баночек в ванной оказалось пять.

– Расческа на месте, – сказал Макар, осматривая полки, – но расчёсок у женщины может быть больше, чем волос. Зубных щеток – четыре, значит, по крайней мере, она не взяла свою. Мы пока даже не можем понять, вышла ли она из квартиры с сумкой или с пустыми руками.

– Паспорта нет, – напомнил Бабкин.

– Муж мог его не найти. Давай осмотрим комнату.

Но ни осмотр, ни разговор с сыновьями Татьяны Беспаловой – угловатыми неряшливыми парнями в грязных футболках, по которым можно было определить, чем завтракали их владельцы, – не принесли ничего нового. Старший рассказал, что звонил в Обнинск. У родителей Татьяна не появлялась.

– Павел Семенович, как давно вы обращались в бюро регистрации несчастных случаев? – спросил Илюшин.

– Что это такое?

– Сводная база по моргам и больницам.

Беспалов побледнел и ошарашенно уставился на него.

– Б-больницы? З-зачем?

Сергею Бабкину редко доводилось видеть, чтобы его друг терялся с ответом, но здесь и Макар опешил.

– То есть как... – растерянно сказал он. – Если человек пропадает без вести, логично первым делом проверить, не случилось ли с ним...

Беспалов не дал ему заговорить, отчаянно замахав руками.

– Нет-нет-нет! Абсолютно исключено! Танюша – абсолютно здоровая женщина, никогда ничем не болела... Ну, простуда в прошлом году... Но она даже гриппом от меня не заражается, а я, между прочим, сваливаюсь каждую зиму, а иногда и дважды за сезон! – Бабкину показалось, что это составляет предмет гордости Павла Семеновича. – Никаких моргов, никаких больниц! Кроме того, я ведь написал заявление! В милиции наверняка сделали все, что требуется!

Сыщики переглянулись.

– Павел Семенович, я был уверен, что вы все проверили, – осторожно сказал Макар. – Прежде чем начинать расследование, нужно убедиться, что ваша жена не попала в...

– Я вам заплачу! Вы проверяйте! А я... – Беспалов вытер вспотевший лоб. – Я, извините, нет. Не могу. Просто не могу! Это... так страшно!

– Но у вас два взрослых сына, – не удержался Сергей, представив, что всю эту неделю несчастная Беспалова провела в реанимации. – Это могли бы взять на себя они...

– Вешать на мальчиков такую ношу?!

«Мальчики? На них пахать и пахать!»

Бабкин проглотил это неуместное возражение, поймал взгляд Илюшина и, извинившись, вышел из комнаты.

«Инфантил. Жене полтинник, с ней может произойти все, что угодно, а он голову сует в песок, как страус...»

– Саня? Это Сергей Бабкин, – сказал он в телефон, прикрыв за собой дверь комнаты и убедившись по привычке, что его никто не подслушает. – Можешь кое-что разузнать для меня? Запиши, будь добр... – Он продиктовал данные исчезнувшей женщины. – Подожди, проверю дату рождения... Ага, семнадцатое октября. Шестьдесят девятого.

Вернулся он двадцать минут спустя и на молчаливый вопрос Макара коротко качнул головой. Нет, Татьяны Беспаловой не было ни в больницах, ни в моргах. И никого похожего по описанию.

Перед уходом Сергей обошел подъезд. Видеокамеру над входной дверью жильцы не ставили. Консьержка, сидевшая на дежурстве, поклялась, что утром в день исчезновения Беспаловой ничего не видела. Отлучалась ли она со своего места? Конечно: с семи утра до девяти отмывала подъезд. И полиции она сказала то же самое. Да, ее расспрашивали три дня назад.

«С семи до девяти», – записал Бабкин. Что ж, хоть какой-то временной промежуток.

Утро было солнечное, но к полудню посыпал мелкий дождь. Закрыв за собой дверь подъезда, Бабкин поежился, полез в рюкзак за зонтом, который подарила Маша, и обнаружил, что забыл его в машине.

«Тьфу ты, черт». Жена уехала два дня назад, и за эти два дня он, кажется, исчерпал всю рассеянность, отпущенную ему на год.

– Хочешь взяться? – спросил он Илюшина, безмятежно шлепавшего под дождем. – Зацепок мало, семья ни черта не знает. И что мы будем делать, если окажется, что она сбежала с любовником?

Они искали пропавших людей, иногда – погибших, но никогда не занимались слежкой за неверными мужьями и женами; Бабкин часто думал, что частному сыщику, берущемуся за подобные дела, ниже падать уже некуда. Он не смог бы ответить на вопрос, почему его напарник выбрал эту работу, но о себе знал: его привлекала деятельность, которая, как бы напыщенно это ни звучало, приносила пользу обществу. При этом на само общество ему было, по большому счету, наплевать; он вкалывал как проклятый только ради ощущения, что делает что-то значимое, а следовательно, и сам имеет некую ценность. До встречи с Машей это был единственный смысл его жизни, и он не думал, что возможен другой. В идеальном мире, где родился бы идеальный Сергей Бабкин, он стал бы хирургом. В существующем ему пришлось заниматься сначала поиском преступников, затем – тех, кто пропадал из-за них. Или просто пропадал.

Когда ему было двенадцать, бабушка однажды с осуждением сказала о соседе, человеке никчемном и ни к какой осмысленной деятельности не годном: «Живет как ноги переставляет». Маленький Сережа отлично понял, что она имела в виду. Он представил беднягу-соседа в образе зомби, бессмысленно шатающегося по окрестностям, и решил, что сам так шататься не будет.

Кризис самоидентификации благополучно миновал его: Бабкин всегда знал, кто он такой. И то, что он знал, его устраивало.

– Татьяна Олеговна, шестьдесят девятого года рождения, замначальника планово-экономического отдела, замужем, двое детей, – задумчиво перечислил Макар. – Исчезает субботним утром, ни слова не сказав мужу и детям. Прошло семь дней. У родителей ее нет. С семьей она не связывалась.

Сергей понимал, что имеет в виду Илюшин. Это не было похоже на побег с любовником.

– Поехали, с коллегами побеседуем, – решил Макар. – Может, что-то прояснится.

Когда Бабкин дошел до машины, выяснилось, что зонта внутри нет. Он лежал в рюкзаке, а Сергей при поисках его не заметил.

Разговор с коллегами тоже вышел странным. О судьбе пропавшей никто не беспокоился, хотя Бабкину показалось, что три женщины, которых они опрашивали, относятся к ней с большой теплотой.

– У нее же отпуск, – с улыбкой пояснила одна, и две другие кивнули. Казалось, визит Илюшина с Бабкиным их удивляет и забавляет.

– Да, но ее телефон не отвечает, и домашние не знают, где она, – сказал Илюшин.

– Ну, может, им и не надо... – туманно сказала старшая из женщин.

Решив, что одинокая овца податливее, чем овца в стаде, Бабкин дождался в курилке еще одну сотрудницу и попытался что-то выяснить у нее. Но все эти женщины были неуловимо похожи: неразговорчивостью, затаенной насмешкой в глазах и откровенной демонстрацией, что лишь из вежливости они соглашаются терпеть частных сыщиков на своей территории. У него сложилось ощущение, что на Беспалова их вежливость не распространялась. «Насолил он им чем-то, что ли?»

Кое-что полезное ему все-таки удалось разузнать.

– У Татьяны есть своя страница Вконтакте, – сказал он Илюшину, когда они вышли с предприятия. – Она пишет там под девичьей фамилией – Зорина.

Они сели в кафе-столовой, Макар открыл планшет.

– Последнее посещение – двадцать пятого мая. – Он пролистал страницу. – Фотографии... Собаки, березки, собаки, березки... Клумба на даче, мемы... О!

– Что – «о»? – Бабкин попытался заглянуть через его плечо, и Макар придвинул планшет.

В теме, открытой в первых числах мая, Зорина-Беспалова просила совета, где лучше отдохнуть в начале июня. «Хочется природы, безлюдья, а главное, тишины, – прочитал Сергей. – Развлечений не требуется, я сама себя отлично развлекаю. Так давно не отдыхала, что даже не представляю, в какую сторону

смотреть».

«Танечка, а бюджет?» – спрашивала пользовательница с ником «Валюша Миргородская».

«Хочеш в тепло или мы холодов не боимся))))))))))))))?» – юзер без фотографии, подписывающийся «Женя Глушко».

– Разъяснить бы этого Глушко, – заметил Бабкин.

Татьяне советовали отели в Подмосковье, Грецию, Алтай и ферму с лошадьми в Смоленской области. Она отвечала, что Подмосковье отпадает, поскольку хочется смены обстановки. Ездить верхом она не умеет, в Греции много туристов. На этом тема затихла.

– Это все? – спросил Сергей.

– Нет, вот еще одна дама, с репликой про Карелию. Советует какой-то «Озерный хутор».

– Ну, теперь мы знаем, что она строила планы на отпуск. Нигде не говорится, что она планировала сбежать с кем-то вдвоем, но такие вещи и не обсуждаются открыто. Что нам это дает?

Макар чему-то усмехнулся:

– Скажи мне, мой мизантропически настроенный друг, если бы ты выбирал место для отпуска, с учетом попугаев, собак, детей и мужа, и тебе хотелось бы природы и одиночества, – куда из всего перечисленного ты бы отправился? Она здесь пишет, что нигде не была, кроме Турции, Египта и, внезапно, Мексики.

– Ну, допустим, Алтай. Хотя... – Бабкин поразмыслил. – Под одно условие не подходит: кого-кого, а туристов там хватает.

Илюшин набрал в поисковике «Озерный хутор».

Фотография, открывшаяся на главной странице, заставила Бабкина одобрительно хмыкнуть. Бревенчатый дом, стоящий на высоком берегу озера, вокруг сосновый лес; далеко внизу – ровная серебристо-синяя гладь воды.

– «Восемь коттеджей на тридцати квадратных километрах, – прочел Илюшин описание. – Природа. Уединение. Красота».

«Ровно то, чего она хотела», – подумал Сергей.

Макар уже набирал номер телефона, указанный в контактах.

– Здравствуйте. Скажите, у вас зарегистрирована Татьяна Беспалова?

Но здесь его ждал неприятный сюрприз.

– Сожалею, мы не даем информации о наших гостях, – сказал приятный мужской голос. – Я могу вам еще чем-нибудь помочь?

Они попытались несколько раз. Но как Илюшин ни объяснял, что женщину ищет ее семья, менеджер повторял, словно автомат, одно и то же. После третьего звонка оба сыщика обнаружили, что телефон отеля постоянно занят.

– В черный список занес нас, маленький негодяй, – сказал Макар.

– Да и черт с ним. Я бы все-таки еще раз обзвонил больницы. Слушай, даже если она планировала отдохнуть в этом «Озерном хуторе», она до него не добралась. Ее вещи, очевидно, на месте, раз Беспалов не смог назвать ни одной исчезнувшей. Все женские склянки, маски и эти, как их... притирки – тоже остались в квартире. Машка в Самару с собой на неделю знаешь сколько всего для волос взяла? – Он начал загибать пальцы. – Шампунь, средство после шампуня, средство после средства после шампуня и еще какую-то корейскую дрянь на тот случай, если первых трех будет недостаточно. Нам бы с Обнинском связаться. Родители могут знать о ее личной жизни больше, чем муж и сыновья. Если у нее с собой телефон и он включен, то рано или поздно...

Бабкин взглянул на Макара и обнаружил, что тот его не слушает. Илюшин сделался не по-хорошему задумчив и смотрел куда-то вдаль.

– У тебя суп стынет, – заметил Сергей.

Тихо завибрировал телефон.

– Сергей? – взволнованно спросили в трубке и закашлялись. – Это Беспалов. Извините! Вы что-нибудь обнаружили?

– Павел Семенович, мы с вами расстались три часа назад, – осторожно сказал Бабкин, недоумевая, отчего клиент звонит ему, а не Илюшину.

– Я понимаю, понимаю... – На заднем плане раздался отчаянный собачий лай. – Но поймите и вы меня! Я выбит из колеи, дезориентирован, все валится из рук... Вам наверняка знакомо это состояние!

Бабкин, который понятия не имел, о чем бормочет этот взвинченный мужчина, что-то согласно промычал. Переговорами с клиентами всегда занимался Макар, и до сегодняшнего момента Сергей не слишком-то задумывался, какого терпения это требует.

– Павел Семенович, мы делаем все, что в наших силах. – Он постарался интонацией смягчить дежурную фразу. – Макар Андреевич будет держать вас в курсе.

Когда он нажал отбой, Илюшин вопросительно посмотрел на него. Бабкин не успел ответить – на смартфоне Макара высветился звонок.

– Да? – сказал Илюшин. – Павел Семенович? Нет, у нас пока нет никаких результатов, но...

Даже через стол Бабкин расслышал пронзительные вопли попугаев из динамика.

– Павел Семенович, как только что-то будет известно... Нет, я вас понимаю... Да, конечно. Нет, ни в коем случае... Разумеется... Да... Да.

Затем Макар замолчал и только время от времени вставлял «нет», «да» и «я вас прекрасно понимаю». Наконец бормотание в трубке сменилось кашлем, и, воспользовавшись паузой, Илюшин заявил, что должен вернуться к работе.

– Кхе-кхе! Кхе-кхе!

– Разумеется, – вежливо согласился Илюшин. – Всего хорошего.

Отложив в сторону телефон, он помешал остывший суп.

– Что, мне Беспалов не поверил? – ухмыльнулся Бабкин. – Решил, что ему нужен старший по званию?

– Не думаю, что он руководствовался именно этой логикой. Так, о чем я говорил?..

– Ты молчал и жевал.

– А. Да. Вспомнил.

Он провел пальцем по экрану и открыл приложение. Телефоны Илюшин обновлял чаще, чем Бабкин – исписавшиеся ручки; Сергей не сомневался, что когда, наконец, будет изобретена флешка, которую можно подсоединить к мозгам, Макар окажется в рядах тех, кто первым вырежет под нее разъем в черепной коробке.

– До Петрозаводска десять часов езды, – сообщил Илюшин, – и от него... – он сверился с картой, – еще четыре. Пишут, что дорога не очень хорошая.

– В России «не очень хорошая дорога» означает, что дороги нет, – отозвался Бабкин и вдруг осознал, о чем говорит ему Макар. Вопли проклятых псов и попугаев до сих пор звучали у него в голове и – как там выразился Беспалов? – дезориентировали его. – Подожди-ка! Мы едем в «Озерный хутор»?

Макар кивнул.

– Я думаю, Беспалова там или как минимум побывала там недавно.

Сергей хотел было возразить, что проще всего, да и разумнее, связаться со следователем и изложить ему то, что они узнали; пусть обращается с официальным запросом к несговорчивому менеджеру. Но представил, что тогда уже пару часов спустя он будет сидеть один, как король, в пустой квартире, смотреть какую-нибудь галиматью вроде «Джона Уика», запивая холодным пивом, с приятным ощущением, что нарушает собой же установленные правила, а вечером раскинется в свое удовольствие на широкой двуспальной кровати, и никто не приползёт к нему, сонному, в два ночи, не уткнёт в ноги свои ледяные пятки, не станет требовать, чтобы он убрался на свою половину...

И тут его охватила такая тоска, что он проглотил все, что собирался изложить Макару, и деловито спросил:

– Когда выезжаем?

Глава 3

Динка

Я никогда не была в Карелии. До пятнадцати лет вообще никуда не выезжала из своего спального района. Потом былое целое лето, когда я то и дело путешествовала автостопом, хотя «путешествовала» – громкое слово: всего лишь ловила машину на шоссе, проезжала километров сто, иногда двести, просила меня высадить – и тем же способом возвращалась обратно. Точно крыса, которая, убежав из клетки, вдруг понимает, что вокруг огромный пустой амбар, в котором ей все равно некуда деться.

Неприятности в этих поездках случались, но редко. Самое жуткое происшествие было связано вовсе не с противным лысым толстяком, который начал хватать меня за коленку, едва мы отъехали от обочины, а с теткой, к которой я по глупости села, не рассмотрев ее как следует. Чем-то она напоминала повариху Оксану: здоровенная дебелая баба, предплечье толще моего бедра. Она была в темных очках. Узкие поджатые губы, слишком маленькие для такого широкого плоского лица.

Она не болтала со мной, а я, идиотка, расслабилась, вместо того чтобы забыть тревогу. Наслаждалась дорогой! Тачка была простецкая, с проваленным сиденьем, но тетка вела отлично, ничего не скажешь – быстро, но мягко, и даже ямы объезжала совершенно незаметно.

Мне бы подумать о том, что женщина, подобравшая на дороге голосующую девчонку, не удержится от расспросов. Но я насторожилась лишь тогда, когда мы свернули с шоссе и прокатили добрых пятнадцать километров по каким-то ухабам. Спросила, зачем мы сюда поехали. Честно говоря, ответь эта баба, что надо обогнуть пробку, я бы ни на секунду не усомнилась в ее словах и, скорее всего, сейчас тихо разлагалась бы в каком-нибудь перелеске. Но она не захотела мне врать, а вернее всего, не смогла – слишком уже ее распирало от ярости.

Не тормозя, она обернулась ко мне и приподняла правой рукой очки. Глазки у нее были маленькие, припухшие, и они горели злобой. «Не узнаешь?» – спросила она и оскалилась.

Мне стало не по себе.

«Я вас никогда не видела».

«Зато ты яйца моего мужа видела! Он тебе их под самым носом раскладывал! После вас, шлюх, мужики от нормальных жен уходят! У меня вся жизнь под откос, а ты нового... ищешь!»

Я запаниковала. Безумная баба решила, будто я – проститутка, подбирающая клиента среди водителей. И не просто одна из них, а та самая, из-за которой ее семейная жизнь закончилась крахом.

Сначала она материлась. Затем принялась методично перечислять по кругу венерические болезни, которыми наградил ее муж. А потом начала наизусть читать Библию или что-то в этом роде. Я не особо разбираюсь во всех этих религиозных книжках. Что-то там о младенцах, которых разбивали о камень... Неприятная картина. Но и без младенцев было понятно, что я влипла.

Мы свернули на лесную дорогу, проехали мимо ворот садового товарищества и углубились в лес. Если в начале своей речи тетка чеканила слова как генерал на военном параде, то теперь начала нечленораздельно бубнить, будто стоматолог

обколол ей заморозкой всю челюсть. Я сидела ни жива ни мертва. Что оправдаться не получится, было ясно как день, потому что когда я закричала, что не проститутка и всего лишь еду к отцу, она двинула мне локтем в лицо. Но я к тому времени успела отстегнуть ремень и, едва эта башня танка начала разворот в мою сторону, нырнула вниз. Нет, эта тетя не желала слушать, что я ни в чем не виновата. Если хотите знать мое мнение, ей было без разницы. Она просто искала, на ком выместить бешенство. И вот еще что скажу: не поручусь, что она не делала этого раньше. Я имею в виду, вывозила кого-то в своей машине. Очень уж продуманно она действовала, и дорога явно была ей хорошо знакома.

В рюкзаке у меня валялся перцовый баллончик, но о том, чтобы достать его, не могло быть и речи. Открыть дверь и вывалиться наружу? Она догнала бы меня в лесу или попросту задавила, если б я сглупила и побежала по дороге. Сидя на грязном автомобильном коврике и затравленно глядя на эту чокнутую снизу вверх, я незаметно сунула руку в карман на внутренней стороне двери. Ну, знаете, в котором водители обычно хранят барахло вроде перчаток, тряпок для стекол и всякого такого. Пальцы наткнулись на пластик. Бутылка с водой. Я пошарила еще, надеясь, что под бутылкой найдутся, например, ножницы или даже нож... Почему бы не хранить здесь грибной нож? Но попалась только упаковка бумажных салфеток.

Мы почти остановились. Еще минута – и безумная глыба вытащит меня из машины и забьет лопатой до смерти.

Не знаю, с чего я вообразила именно лопату. Но времени на рассуждения не оставалось. Я дождалась, пока она передвинет рычаг передач, распрямилась как пружина и врезала ей пластиковой бутылкой по переносице что было сил.

Если вам никогда не били по носу – ваше счастье. Это больно. У меня-то была возможность проверить на себе. Психопатка взревела как раненый медведь, прижала ладонь к лицу – и вот тут-то я, схватив рюкзак, выскочила из машины и помчалась как сумасшедшая.

Пластиковая бутылка дала мне двадцать секунд форы. Но когда вас собираются закопать в чернозем, двадцать секунд – это до фига. Я запомнила, в какой стороне осталось садовое товарищество, и драпала туда. Ненормальная баба, прооравшись, рванула за мной, и клянусь, бежала она как марафонец. Пыхтела, кряхтела, однако с дистанции не сходила и держалась метрах в пятидесяти за

моей спиной.

Она, конечно, думала, что разгадала мой план. Я расслышала хриплый выкрик:

– Шлюха! Тебя никто не спасет!

Вот только я вовсе не планировала добраться до садов и метаться от дома к дому, умоляя о помощи. «Убивают! Вызовите полицию!»

Ну уж нет.

Я еще в машине заметила, что на дистанции метров в триста дорога делает два крутых поворота. Прибавив ходу и оказавшись за первым, вне поля видимости тетки, я нырнула на обочину, за кусты.

Вскоре послышался равномерный топот, и до меня донеслось тяжелое, с присвистом дыхание. Моя преследовательница выбежала на то место, с которого я свернула, и решила, что я так ускорила, что успела скрыться за вторым поворотом. Эх и припустила же она! Стоило ей отбежать, я как можно тише выбралась из кустов и кинулась в обратном направлении.

Расчет был на то, что человек, собирающийся срочно кого-то убить, и не подумает запереть машину.

Когда из-за второго поворота раздался яростный вопль, стало ясно, что мой план разгадан. Если бы я ошиблась насчет тачки, мне пришел бы конец. Бесконечно удирать по лесу от своей мстительницы я бы не смогла, а у нее, я уверена, хватило бы сил еще на сотню таких кругов.

Но я рассчитала правильно. Белая «Киа» была брошена с открытой дверцей, ключи торчали в замке зажигания. На них – вы не поверите – болтался трогательный бело-розовый брелок с «Хелло, Китти».

Милый котенок отчего-то ужаснул меня так, что я чуть не обмочилась.

Как она выразилась? «Тебя никто не спасет, шлюха»?

Что ж, может, меня никто и не спасет. Но тогда я сама себя спасу.

Мне, знаете ли, не привыкать.

И здесь мы вплотную подходим к вопросу о важности секса.

К восьмому классу оставаться девственницей в нашей школе было уже как-то неприлично. Да и вообще: одиночкам вроде меня лучше вовремя к кому-нибудь прибиться. Вот я и пристроилась к группе парней, которые строили из себя рок-звезд районного масштаба. Девственность потеряла с ударником, но он был так невообразимо туп, что я переметнулась к бас-гитаристу.

Не скажу, чтобы вся эта возня в каморках, что за актовым залом, доставляла мне удовольствие. Скучно, неловко и довольно глупо, по правде говоря. Но я понимала, что это плата за спокойствие. Теперь я официально была «телочка Димона».

Все эти пацаны, как я позже поняла, сами-то ничего не умели, хотя каждый делал вид, что он ходячая секс-машина и половой гигант. Да и если уж совсем начистоту, мы были мелкие. Мелкие и глупые. Трахались, потому что считалось, что это круто.

Зато парень научил меня водить машину. У его папаши в гараже пылилась раздолбанная «Лада», и когда тот лежал в отключке после пьянки, мы с Димкой гоняли по промзоне как сумасшедшие. До Шумахера мне далеко, но включить зажигание и тронуться с места могу.

Как же заверещала тетка, когда догадалась, что я собираюсь сделать! Для таких, как она, машина ценнее ребенка. От страха у меня тряслись руки, но я все сделала правильно. Чуть не заглохла на повороте, но все-таки справилась и вырулила куда надо.

Бабища застыла на дороге, как чугунная. Кажется, она была уверена, что у меня не хватит духу сбить ее. Но у меня бы хватило, еще как! Несколько секунд я была близка к тому, чтобы так и поступить.

Она была дурой психованной. Она едва не убила меня.

Но в последний момент что-то заставило меня выкрутить руль. Я чудом объехала ее, ободрав весь бок машины о дерево и с хрустом снеся зеркало, и, уносясь по грунтовке, слышала сзади полный боли вопль – словно это ей оторвало руку.

Добравшись до трассы, я заехала за брошенную заправку, нашла булыжник покрупнее и разнесла всю машину к чертовой матери. Стекла, двери, капот – раскурочила все! В рюкзаке у меня всегда были сигареты и зажигалка, и я набросала на сиденья сухой травы и подожгла ее. Правда, потухло быстро, так что эффектно удалиться на фоне взрывающейся тачки, как в фильмах, у меня не вышло.

Зато страх ушел. Растворился в моем дикарском стремлении обезобразить и уничтожить то, что было ценно для этого плосколицего чудовища.

Итак, я ехала с парнем, с которым была знакома десять минут, в неизвестное место и даже, говоря начистоту, в неизвестном направлении. Если бы он развернулся, пока я дремала, и двинулся к Сочи, вряд ли я бы что-нибудь заметила.

Люди думают, что в странных ситуациях они и вести себя будут странно. Но вот с вами что-то случается, а вы ведете себя как обычно. Это-то и есть самое удивительное.

Кирилл ни о чем меня не расспрашивал – рулил себе как ни в чем не бывало. До Великого Новгорода мы долетели без остановок, там остановились пообедать – и снова в путь.

Я заметила, что Кирилл ориентируется по навигатору. Он не бывал здесь раньше, голову даю на отсечение.

Когда проехали Петрозаводск, до меня дошло, что мы и в самом деле в Карелии. И тут меня охватил такой восторг, что я даже засмеялась вслух. Кирилл одобритительно глянул и улыбнулся.

– Здорово, правда?

– Здорово! – эхом повторила я, радуясь, что он понял.

Лес встал по обеим сторонам дороги, и я не могла насмотреться. Казалось бы, ну что такого: лес как лес, мало ли я бродила по перелескам, когда гуляла вокруг нашего «Прибоя», но здесь все было такое огромное! И воздух! И много неба над лесом, широкого и светлого, как бесконечная река, и в открытое окно тянуло водой и кувшинками, хотя никаких кувшинок не было видно.

Невозможно поверить, что только утром я сновала между столиками, дыша выхлопным газом и слушая вполуха Оксанину брань. А рядом все это время было столько красоты!

Заселение в коттедж почти не отложилось в моей памяти. Голова у меня была забита впечатлениями, как подушка перьями, они уже лезли наружу, и больше в подушку ничего не помещалось. Я пришла в себя только тогда, когда мы оказались одни.

– Здесь есть раскладной диван, – сказал Кирилл. Он вел себя непринужденно, как будто мы с ним сто раз путешествовали вдвоем. – Застелить тебе? Ты устала. Или сначала хочешь поужинать?

Я посмотрела на него очень внимательно. Нет, не похоже, чтобы он притворялся или играл в благородство: «Сделаю вид, будто я совершенно ничего от нее не добиваюсь, чтобы потом иметь возможность отыграться». Он просто заботился обо мне, кажется, без всякой корысти.

И вот тут я чуть не разревелась. Хотя вообще-то ни разу не плакса. За последние три года не сдержалась единственный раз – когда ко мне пришла Марина и сказала, что ни в чем меня не винит...

Нет, об этом не надо.

– А если я не хочу спать на диване? – спросила я.

Он улыбнулся.

– Тогда скажи сама, чего ты хочешь.

– Ну, во-первых, снять лифчик, мне в нем жарко, – призналась я, и мы засмеялись.

И так, смеясь, шагнули друг к другу и поцеловались, и это вышло легко и естественно.

И все, что у нас вышло дальше, тоже получилось легко и естественно. И совсем не похоже на то, что было с парнями в школе.

Сыщики

Пока они были в пути, Беспалов позвонил еще трижды. Выяснилось, что Павел Семенович обладает магической способностью буквально двумя фразами создавать эффект своего присутствия. Он просачивался сквозь динамик и ерзал на заднем сиденье; он распространял удушливый запах пота; он жестикулировал и задевал Сергея; он рассказывал о лекарствах, которые выпил по ошибке то ли Жека, то ли Жора, умолял о совете, шуршал упаковками и инструкциями. Бабкин, человек флегматичного склада характера, не злился, но недоумевал. Ему и раньше встречались мужчины, обвивавшиеся, подобно плющу, вокруг женщины, назначенной ими в дубы, – иногда матери, чаще – жены, – но он еще ни разу не видел, чтобы плющ с такой скоростью перекидывался на первое попавшееся дерево. Пару раз он был близок к тому, чтобы не отвечать на звонок. Однако клиент есть клиент. К тому же Беспалов мог сообщить, что его жена нашлась.

Они переночевали в мотеле на трассе и ранним утром двинулись дальше. В начале пути их то и дело обгоняли автомобили с московскими и питерскими номерами, но чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем пустыннее становилась дорога. Последние двадцать километров они проехали, никого не встретив.

– Указатель на Озерный хутор, – встрепнулся Илюшин.

Теперь Бабкин вел машину медленно, открыв все окна.

– Чем это пахнет? – спросил Макар, принюхиваясь.

Сергей насмешливо покосился на него.

– Свежим воздухом.

Извилистая дорога через лес привела их к длинной бревенчатой постройке с узкими прорезями окон; в стороне виднелась баня и что-то похожее на амбар. Островерхая крыша постройки щетинилась антеннами. Простая деревянная вывеска над дверью извещала, что они попали в коттеджный комплекс «Озерный хутор». Ниже было уточнение: «ОТЕЛЬ».

– Давай встанем чуть в стороне, – сказал Илюшин. – Не хочу показываться раньше времени.

Они бросили машину на обочине и пошли по широкой натопанной тропе, уводящей через лес вдоль берега. Под ногами похрустывали шишки, земля была усеяна пожелтевшей хвоей. Не было слышно ни разговоров, ни шума машин – только птичьи голоса и гул ветра в кронах. С озера дул сильный теплый ветер.

– Впереди коттедж, – сказал Макар, прищурившись.

Он был совершенно такой, как на фотографии: с широкой верандой и окнами, в которых отражались деревья и небо. Облака заплывали внутрь и исчезали в глубине.

Будь Сергей один, он для начала постоял бы, решая, что делать дальше. Но Илюшин без раздумий зашагал к крыльцу, напевая под нос.

– Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены, – расслышал Бабкин.

– Только не бардовская лабуда, – простонал он, пытаясь нагнать напарника.

Макар уже мурлыкал о янтарной сосне и лесном солнышке. Он легко взбежал на крыльцо, постучал.

– Где, в каких краях...

Дверь открылась, и взглядам сыщиков предстала исчезнувшая жена Павла Семеновича, живая и невредимая.

Вопрос «...встретишься со мною» повис в воздухе.

– Нанял частных сыщиков, – медленно повторила Беспалова.

– И написал заявление в полицию, – добавил Илюшин.

Женщина грузно опустилась на лавку и обхватила голову.

Бабкин подумал, что это самое быстрое расследование за всю их практику. Сутки – и пожалуйста: вот она, Татьяна Олеговна, причем, в отличие от тех фотографий, которые выдал им клиент, выглядит цветущей и привлекательной. Лицо свежее, ни тени усталости. Клетчатая рубашка-ковбойка и камуфляжные штаны с десятком накладных карманов шли ей несравнимо больше, чем платье-футляр. Сергей прислушался, но из дома не доносилось ни звука. Он готов был поклясться, что Беспалова живет в этом коттедже одна. Она определенно выглядела как одинокая женщина.

Он мимоходом подумал, что у слова «одинокая» есть оттенок обделенности. Будь рядом Маша, Сергей не преминул бы спросить, что делать с теми, кто одинок, но в своем одиночестве всем доволен. Где правильное обозначение для этих счастливых? Татьяну Беспалову, если судить на первый взгляд, все устраивало – и в себе, и в окружающем мире.

Не считая, конечно, их появления.

– Но ведь я сказала ему! – простонала она. – Сказала им всем!

– Что вы сказали?

– Что я уехала в отпуск! И написала записку, когда и каким поездом вернусь! И где еда! И чем кормить собак!

Макар с Бабкиным переглянулись.

– А вот это уже интересно, – сказал Илюшин. – Татьяна Олеговна, вы позволите присесть?

– Господи, да что за вопросы! Садитесь, конечно! – Она подняла к ним лицо и со слабой надеждой спросила: – А вы меня не разыгрываете?

– Сережа, покажи лицензию, пожалуйста, – попросил Макар.

– Не надо лицензию, – упавшим голосом сказала Татьяна. – Я вам верю. Боже мой, что за люди такие!

Бабкин сообразил, что это замечание относится не к ним.

– Слушайте, я правильно понял? Вы предупредили домашних об отъезде?

Она тяжело вздохнула.

– А я похожа на Золушку? Не в моем стиле удирать с бала без предупреждения, теряя по пути обувь. – Татьяна покосилась на резиновые сапоги, стоящие у дверей. – Конечно, я предупредила Пашу заранее. И накануне отъезда зашла в спальню и напомнила, что утром ему или мальчикам придется выгулять собак. На холодильник повесила записку, прикрепила магнитом. Понятия не имею, куда они ее дели. Думаю, уронили в суматохе, а псы ее сожрали. В этой квартире все, что падает на пол, рано или поздно можно найти, просто хорошенько поковырявшись в собачьем дерьме.

– Но вы не взяли с собой никаких вещей...

– Я все взяла, – отрезала Татьяна. – Кроме зубной щетки, которую пришлось купить по дороге. Показать сумку?

– Ваш муж сказал, что все на месте, кроме паспорта и телефона.

Беспалова молча встала и скрылась в доме. Вернулась она с двумя парами кроссовок и демонстративно установила их на перилах. Следующие несколько минут сыщики наблюдали, как она выносит: ботинки на толстой подошве,

красную куртку, два спортивных костюма, рубахи, шорты, футболки, пижамы и штаны с начесом. Под конец были предъявлены ноутбук и ридер.

Уже на куртке Илюшин начал смеяться.

– Не разделяю вашего веселья, – сухо заметила Татьяна. – Я могла бы увезти даже свой шкаф, и они не заметили бы, что есть какие-то изменения.

Бабкин углядел на озере лодку, в которой двое мужчин синхронно взмахивали веслами.

– Тихо здесь, – сказал он некстати.

– Хорошая мысль, – так же невпопад ответила Татьяна.

И ушла, прихватив ноутбук.

– Удивительная история, – пробормотал Сергей ей вслед.

– Если подумать, ничего удивительного. – Илюшин встал, потянулся и зачем-то одобрительно похлопал по лавке, как по лошадиному крупу. – Заболевание такое, называется «коммуникационный рассинхрон». Девяносто процентов пораженных – мужчины. В группе риска – женатые; зазор пропорционален стажу семейной жизни. Утром жена просит выкинуть мусор, а до мужчины ее слова доходят только к вечеру. Или она говорит: хочу в отпуск, а он через два часа осознает, что прозвучало слово «Мальдивы». Случай Беспалова, безусловно, выдающийся: отличается от остальных на редкость существенным запаздыванием. Все-таки у большинства мужчин приемный аппарат настроен на задержку от трех до восьми часов, а не суток.

Скрипнула дверь, и на деревянном столе перед ними оказались бутылка коньяка, три граненых стакана и тарелка с криво нарезанным сыром.

– Бокалов нет, – сказала Татьяна. – Коньяк держала на последний день отдыха, но чувствую, что его время пришло. Сыр отличный, угощайтесь. Могу колбасы принести.

Она разлила коньяк с точностью и уверенностью человека, закаленного сотнями корпоративов.

– Спасибо, конечно... – Бабкин отодвинул стакан. – Но я за рулем.

– Не говорите глупостей, вы ведь не поедете обратно сей же час. Соседний коттедж утром освободился, в нем можно переночевать, а если хотите, задержаться на пару дней.

Илюшин щелкнул пальцами, что-то вспомнив.

– Татьяна Олеговна, а почему вы не отвечали на звонки? И координаты свои не оставили? Мы звонили сюда, но безрезультатно.

Она одним махом опрокинула коньяк, зажмурилась, помотала головой.

– Как вас зовут-то, сыщики? А! Вы же представились. Вы, – она ткнула в Бабкина, – Сергей, а вы – Марк.

– Макар.

– Да, простите. Я специально не сказала, где буду отдыхать, и выключила телефон.

– Вот этого совсем не могу понять, – признался Сергей.

– Неужели? Хотите знать, как выглядел бы мой сегодняшний день, если б со мной могли связаться? – Татьяна начала загибать пальцы. – В шесть утра мне бы позвонили, чтобы спросить, где офисная рубашка. В десять – потому что у Джока понос. В одиннадцать – потому что Шерлока стошнило. В час дня кто-нибудь из мальчиков захотел бы пообедать и не нашел кастрюлю с супом, стоящую на средней полке в холодильнике. – Она повысила голос. – Потом у Паши случилась бы мигрень, он начал бы страдать и не знал, какое лекарство выпить. Вечером сломалась бы стиральная машинка, или потерялся бы ключ, или СГОРЕЛА БЫ КВАРТИРА СЛУЧИЛСЯ АПОКАЛИПСИС ВЗОРВАЛАСЬ ЯДЕРНАЯ БОМБА И БЕЗ МЕНЯ НИКТО БЫ НЕ СПРАВИЛСЯ!

Бабкин помигал, несколько оглушенный.

– И, само собой, обязательно бы кто-нибудь тяжело заболел, – чуть спокойнее закончила Татьяна. – Мать моего мужа уже три раза умерла бы, а организовать похороны было бы некому, потому что все бились бы в истерике.

Макар сочувственно подлил в ее стакан коньяку.

– Я ведь это все не просто так... – Татьяна снова заволновалась. – Вы считаете меня какой-то бездушной дрянью... – Макар с Бабкиным хором запротестовали, но она не слушала. – Вот послушайте! Две недели назад я зашла в супермаркет, и меня занесло в отдел кухонной мелочи. Все эти ситечки, силиконовые ложки, формочки для кексов... Я застряла там и потеряла счет времени.

Сергей понимающе кивнул. Он любил готовить, и отделы такие любил, хотя несколько раз на него нападало легкое помрачение рассудка: он приобретал товары из чистого восторга перед гением изобретателя и выкрутасами человеческой мысли. Так в их доме появился специальный резак для ананаса, хотя он не ел ананасов, и отмеритель спагетти, при том что ломать длинные макароны руками доставляло ему совершенно детское удовольствие.

– Там была лопатка для переворачивания блинчиков, – продолжала Татьяна. – Я сначала заметила не саму лопатку, а ярлык: «Предметы для левшей». Срез на рабочей поверхности у нее был под углом не слева направо, как обычно, а справа налево... Или наоборот? Запуталась. Ну, не важно... В общем, я вдруг поняла, что сжимаю эту лопатку в руках и лью над ней слезы. Вы можете представить себе тетку, которая рыдает в отделе кухонных принадлежностей?

Бабкин вообще не мог представить Беспалову рыдающей над чем бы то ни было.

– А знаете почему? – она невесело улыбнулась. – Потому что кто-то обо мне позаботился. Я ведь левша. Какая-то добрая душа подумала о том, как я буду переворачивать блинчики, и сделала так, чтобы мне было удобно. Я отлично все понимала про маркетинговые уловки, но это не имело значения. – Она помолчала и повторила: – Обо мне кто-то позаботился.

Рыбаки вытащили лодку на берег и теперь разбирали удочки. Татьяна задержала на них взгляд.

– Я гуляю с собаками, которых мои сыновья завели из лучших побуждений, когда бедняг сдали в приют. Я вожу Пашину маму к врачу, потому что Паша забывает, где находится поликлиника, и когда они поехали вдвоем, то заблудились и не попали на прием, который я выбила для нее, между прочим, ценой невероятных усилий. Их бытовая беспомощность граничит со слабоумием. Могу я бросить несчастных Джока и Шерлока, хромую свекровь и заниматься своими делами? Наверное. Но на практике у меня не получалось ни разу. А здесь... Здесь я за первые сутки проспала восемнадцать часов. Потом сидела на этом вот крыльце три часа, не сходя с места, и смотрела на озеро. Потом гуляла. Я уже забыла, что такое гулять в свое удовольствие. И сидеть. Просто сидеть и смотреть. Больше всего мне хотелось быть озером. Отражать облака – и больше ничего не делать. Только отражать облака. Что может быть лучше?

Илюшин очень внимательно посмотрел на Беспалову. Бабкину был знаком этот испытующий взгляд, и он вопросительно поднял бровь. Макар коротко качнул головой: потом.

– Татьяна Олеговна...

– Просто Татьяна!

– ...вы же понимаете, что мы должны будем позвонить вашему мужу? Он наш клиент...

Беспалова дернулась и уронила стакан.

– Боже мой, я вас умоляю, не делайте этого! Дайте мне спокойно... – Долю секунды Бабкину казалось, что она скажет «сдохнуть». – ...Спокойно закончить отдых! Вы не представляете, что начнется, когда семья узнает, где я. Они с меня больше не слезут! Я вам заплачу, обещаю! По двойному тарифу!

– Это неэтично, – возразил Макар. – Послушайте, я вам очень сочувствую, но мы связаны обязательствами. Не говоря уже о том, что ваша семья в панике.

– Да к черту их панику! – вспылила Беспалова. – Пусть считают меня мертвой, расчлененной и утопленной в озере! Вы что, не понимаете? С них станется приехать сюда, особенно когда моя свекровь узнает детали! Они достанут меня

даже на полюсе, на краю света! Я люблю своих родных, но они невыносимы! Мне осталось пять дней! Ради бога, не отбирайте их у меня.

Илюшин вспомнил двух великовозрастных оболтусов и, против воли, ощутил прилив сочувствия к этой женщине, тащившей на себе свою бестолковую семью.

В эту же минуту у Бабкина, открывшего рот, чтобы решительно отказать Беспаловой в ее возмутительной просьбе, внезапно зазвенело в ушах от собачьего лая и птичьего крика. Сквозь эти звуки пробился Павел Семенович со своим нескончаемым нытьем. Меньше чем за сутки он задержал их так, что Сергей внутренне вздрагивал при каждом звонке, ожидая, что его вот-вот макнут с головой в нервно булькающее болото. Он не мог вообразить, каково приходится Беспаловой.

«Но она сама это выбрала!»

– Татьяна, у вас есть хобби? – неожиданно спросил Макар.

Женщина удивленно взглянула на него.

– Да... Я учусь выращивать маленькие садики в аквариумах. Они называются флорариумы. Зелень успокаивает. И еще каждую вторую субботу месяца езжу на спортивное ориентирование.

«– У вашей жены есть увлечения?

– А как же! Танюша очень любит готовить!»

– Вы любите готовить? – мрачно спросил Бабкин, догадываясь об ответе.

– Ненавижу! – с чувством сказала она.

Это окончательно решило дело.

Сергей спустился по обрывистому склону, перепрыгивая через корни, постоял на берегу, заложив руки за спину. Справа громоздились черные гладкие валуны, похожие на семью пингвинов, втянувших головы в плечи. По камню под ногами расползались синевато-серые пятна лишайника с желтой бахромой. Пахло можжевельником, сырым песком, большой водой.

Коснулся воды ладонью. Холодная, как и следовало ожидать.

Он вскарабкался обратно. Невдалеке росла сосна, ствол которой раздваивался в метре над землей. Он смахнул из развилки гнездо сухих желтых игл и расположился там, как мальчишка, болтая ногами.

– Джинсы от смолы не отстираешь, – сказал Илюшин, бесшумно возникнув за спиной.

Бабкин потрогал липкую янтарную каплю на стволе. Лизнул палец.

– Почему ты вскинулся, когда Беспалова сказала об облаках?

Макар озадаченно почесал нос.

– Даже не могу толком объяснить, по правде говоря. Но, в общем, если бы ты прибегнул к такому образу для описания своего душевного состояния, я бы отправил тебя к психиатру, без всяких шуток.

– Как-то она не выглядит теткой в депрессии. Здоровая баба, на ней пахать можно.

– Вот-вот, – кивнул Макар. – Пашешь-пашешь, потом глянь – а она уже лежит в борозде копытами кверху. Мне где-то попадалось описание принципиальной разницы в выносливости между верблюдом и лошадью. Лошадь, устав, начинает это показывать заранее: запинается, сбивается с шага, или как там это называется у лошадей. Но в этом состоянии она способна бежать еще довольно долго. А верблюд бежит, бежит, бежит, не спотыкаясь, ничем не выдавая, что он на последнем издыхании, а потом ложится и помирает.

Бабкин обдумал эту историю и счел ее сомнительной.

– Хотя, конечно, не жребий наш – мы сами виноваты в своем порабощении, – философски заметил Макар.

– Переобуваешься в прыжке? Ну-ну.

– Если бы я переобувался, то ее муж, дети, собаки и свекровь уже мчались бы сюда. А так они получили фотографию живой и здоровой жены и матери, мы – закрытое дело, а она – возможность спокойно пожить еще несколько дней. Все честно.

Они помолчали. Внизу лежало озеро, вверху пели птицы.

– Я вот думаю... – неторопливо начал Бабкин. – Куда нам с тобой торопиться?

– В смысле?

– Это дело закончено. Нового у нас нет. Ничего не мешает зависнуть здесь на пару дней, если есть свободный дом.

Илюшин недоверчиво уставился на него.

– Ты хочешь, чтобы я по доброй воле променял неделю жизни в столице на прозябание в этой глуши?

– Машка еще неделю будет торчать в Саратове, – в сердцах сказал Бабкин. – А здесь... Ты глаза разуй, какие места! Раз уж подвернулась такая возможность, грех не воспользоваться. Слушай, – заторопился он, – сейчас здесь отличное время для отдыха. Народу мало, туристический сезон начнется только в июле. Комары... Ветер их сдувает. Вода, прямо скажем, не парная, но позагорать это не мешает. Грибы уже наверняка пошли... Красотища!

Макар засмеялся.

– Красотища, мой непритязательный друг, – это вид на Садовое кольцо, по обе стороны которого ждут нас сверкающие рестораны с роллами, пиццей и дарами моря. А лучшее в мире метро! А шедевры архитектуры!

– Жара, грязь, асфальт, выхлопные газы, – перечислил Сергей.

– Круглосуточная доставка! Вай-фай в любой точке столицы!

– Пробки. Смог. Мусоровоз в шесть утра.

– Я выше этого, – самодовольно сказал Илюшин, купивший квартиру на двадцать пятом этаже. – Согласен вытерпеть здесь одну ночь при условии, что нас обеспечат трехразовым питанием. Утром выезжаем. Ради тебя я готов пойти на обман клиента, но куковать среди морошки и клещей? Уволь.

– Ради меня? – фыркнул Бабкин.

– Естественно. Разве стал бы я...

На берегу озера показалась высокая светловолосая девушка, замотанная в полотенце. Она сбросила его, оставшись в купальнике, и аккуратно повесила на куст.

Илюшин оборвал себя на полуслове, отлепился от сосны и шагнул к обрыву.

Девушка собрала волосы в хвост.

– Не полезет же она... – с содроганием начал Бабкин.

Купальщица зашла в воду. Сыщики с берега молча наблюдали за ней.

Она плыла легко и быстро, казалось, не прилагая никаких усилий. Светлая головка уже была на середине озера, когда Макар заговорил.

– По-моему, ей требуется помощь спасателей.

– Я туда не полезу, – отрезал Бабкин. – Пусть тонет. Естественный отбор.

Девушка развернулась, изогнувшись, и поплыла обратно. Выйдя на берег, она отжала волосы, завернулась в полотенце и вытащила из-под него мокрый

купальник.

– Жди здесь, – живо отреагировал Илюшин. – Я мигом.

Он сбросил кроссовки, спрыгнул босиком с обрыва и заскользил по песку.

«Мигом, как же», – подумал Сергей.

Илюшин, догнав девушку, о чем-то поговорил, замахал руками, показывая на дальний конец озера, затем обернулся и ткнул в Бабкина. Девушка приложила руку козырьком ко лбу и стала смотреть на него. Оба засмеялись.

– Да, вы тоже выглядите как идиоты, – согласился Сергей.

Ветер доносил до него голоса, но слов он не разбирал. В конце концов Илюшин снова небрежно махнул рукой в его сторону, и они с девушкой скрылись за деревьями. За ними, в глубине леса, Бабкин разглядел небольшой коттедж, вернее, догадался о его существовании по острому блеску распахнутого окна, когда в стекле отразилось солнце.

Он потрогал голубой лишайник, расползшийся по основанию поваленного ствола. На ощупь тот оказался мягким, как замша. Бабкин повалился в мох, закинул руки за голову и стал смотреть на кроны деревьев.

Илюшин вернулся десять минут спустя.

– Настя, – известил он. – Кандидат в мастера спорта, между прочим!

Бабкин швырнул в него кроссовкой.

– Ты знал, что в двадцати километрах отсюда есть водопад? – Макар легко уклонился. – Кроме того, в округе встречаются редкие птицы и уникальные виды папоротника.

– Пойдем, надо разузнать насчет ночевки. – Сергей поднялся, отряхнул джинсы.

– Отдыхает одна. Бедная девочка!

Бабкин обернулся и посмотрел на него.

– И сколько лет бедной девочке?

– Я не задаю женщинам бестактных вопросов, – оскорбился Макар. – Допустим, двадцать восемь.

Он завязал шнурки, выпрямился и глубоко вдохнул.

– Воздух-то какой чистый! А вода! Серега, ты видел эту воду? Кристальная. И растительность... Как вот это все называется?

– Сосна.

– Нет, я в целом. Чаща? Роща?

– Лес, – лаконично сказал Бабкин. – Ты как-то внезапно проникся симпатией к этому месту.

Они зашагали по тропинке обратно к базе.

– Возможно, мне не сразу открылась его тихая неизбывная прелесть, – согласился Макар, перепрыгивая через корни. – Я дитя мегаполиса, вскормленное израильской клубникой. Но побыв рядом с тобой, Сережа, я перенял у тебя способность наслаждаться каждым мгновением, проведенным под сенью дубрав и этих, как их... ильмовых ветвей.

– Я так понимаю, твоя пловчиха пока никуда не уезжает, – ехидно сказал Бабкин.

– Если ты о прекрасной Анастасии, то она пробудет здесь еще неделю.

Перед открытой дверью базы стоял невысокий смуглый парень с шапкой черных волос и тревожно смотрел в их сторону.

– День добрый! – бодро поздоровался Макар, подходя ближе. – Простите, что сразу к вам не заглянули. Как насчет свободного коттеджа дней на десять?

Глава 4

Динка

На следующее утро я проснулась от детских голосов.

– Егор, так нечестно! – отчетливо сказала девочка прямо у меня над ухом.

– Сейчас моя очередь! – отозвался мальчик.

Я оторвала голову от подушки, протерла глаза и огляделась.

Кирилла не было. В приоткрытое окно дул прохладный ветер, перебирая складки тюля. К антимоскитной сетке прилипла чья-то любопытная загорелая физиономия.

– Привет! – сказала я.

Физиономия ойкнула и исчезла. Под окном раздался шепот и мышинное шуршание.

Я прошлепала босыми ногами на кухню, заварила чай. В этой комнате на окне не было сетки. Открыв его нараспашку, я вернулась на стул, села к окну спиной и громко сказала:

– Между прочим, есть вафли. Вкусные!

Некоторое время было тихо. Затем – я видела отражение в дверце микроволновки – над подоконником медленно поднялась коротко стриженная голова, а из-за нее вынырнула другая, с хвостиком на макушке. Это выглядело

так, словно двухголовый Змей Горыныч сражается сам с собой за право первым получить лакомство.

– Шоколадные? – пискляво спросили сзади.

– На топленом молоке.

– Топленые у нас у самих есть, – разочарованно отозвались от окна.

Тут я рискнула обернуться.

Брат и сестра, несомненно! Темноволосые, кареглазые. Казалось, даже веснушки у них рассыпаны в одних и тех же местах. Мальчишке на вид лет двенадцать; его сестре не больше десяти. Но наблюдая, как резво она перелезает через подоконник, я догадалась, кто у них за главного.

Она протянула мне руку, как взрослая, и представилась:

– Стефания.

Следом за ней рискнул забраться в комнату и ее брат.

– Егор. – Он шмыгнул. – А где вафли?

Они очень быстро освоились и, хрустя, стали наперебой рассказывать, как им живется на озере. Я узнала, что у них есть взрослый друг Настя, у которой машина умеет ездить без водителя, и что они ловили белку, и что в озере плавает подводная лодка, а у Гордея Богдановича есть настоящее ружье, из которого можно застрелить медведя.

Мы вместе позавтракали, и они любезно согласились провести экскурсию по окрестностям.

Выходя, наткнулись на Кирилла, который, чуть запыхавшись, возвращался из леса.

– Мы на прогулку. – Я замешкалась, прежде чем поцеловать его на глазах у детей.

– Не заблудитесь, – шутливо сказал он.

Стефания сердито уставилась на него:

– Мы не заблуждаемся! Мы здесь все знаем!

Он с улыбкой кивнул, но я видела, что его мысли чем-то заняты.

Пару дней спустя я почти освоилась.

Семья Стеши и Егора приехала в Озерный первого июня. Про родителей они пробурчали что-то невнятное и явно не стремились знакомить меня с ними. У меня сложилось впечатление, что те работали переводчиками или кем-то вроде этого. Странный образ жизни они вели, говоря по правде! Никогда не гуляли вместе с детьми. Не купались. Не ходили в лес. Сеть в Озерном работала с перебоями. Дети сообщили, что чуть не каждый день они вынуждены по вечерам уезжать, чтобы... Тут оба прикусили языки и переглянулись с видом людей, выболтавших лишнее. Я не стала заострять на этом внимание. У меня хватало своих собственных тайн, чтобы допытываться о чужих. Да и что такого они могли скрывать?

Иногда, забыв обо мне, дети обсуждали королевства Арден и Элмор, торговлю с гномами, доспехи и талисманы. Временами переходили на сленг, из которого я не понимала почти ни слова. Они требовали от меня ответа, кем бы я хотела стать: темным эльфом или орком, а на мое возражение, что я предпочла бы остаться человеком, набрасывались на меня, ожесточенно доказывая, что это никуда не годится.

Родители предоставили им поразительную свободу. Их, кажется, вообще ни в чем не ограничивали – идите куда хотите, делайте что пожелаете. Удивительное дело!

Эти малявки были очень дружны – не такая уж частая история для брата с сестрой.

Их коттедж стоял на нижнем берегу – широкий, в пять окон, обращенных к озеру. Иногда родители выползали на веранду, но и в креслах-качалках сидели с ноутбуками на коленях, словно приросли к своим лэптопам. Я совсем ничего не понимала в этих людях, будто не замечавших красоты окрестных мест. Они казались мне пришельцами с другой планеты.

Еще один дом занимала девушка – та самая Настя. Я подошла к ней на берегу, но получила в ответ холодный взгляд и приветствие сквозь зубы. Кирилла она и вовсе игнорировала, даже не смотрела в его сторону, однако к детям относилась тепло, и за это я прощала ей высокомерие и некоторое самодовольство. Есть такие люди, которые в любое помещение входят с уверенностью, что преобразуют его собой к лучшему. Недолголюбиваю таких. Наверное, за то, что у них есть основания так считать.

Стеша с Егором прожужжали все уши мне и Кириллу о том, какая потрясающая машина у их подруги. Их поразил немудреный фокус с дистанционным управлением: «Хонда» сама заводилась, проезжала несколько метров и останавливалась там, где требовалось.

Если начистоту, я тоже впечатлилась. Но Кирилл разъяснил, что это не так сложно исполнить, как кажется. «Напичкала ее электроникой, – сказал он, пожав плечами. – Нет в этом особого смысла. Чисто развлечься».

Лицо у Насти было правильное, но скучное, как у куклы. А вот тело изумительное: спортивное, но не перекачанное, с длинными ногами и тонкой талией. И красивые плечи. Прямо-таки отличные плечи, особенно для пловчихи! Мне ужасно хотелось ее нарисовать, но просить Настю поработать натурщицей не стоило и пытаться.

Да и какой из меня художник. Так, любитель-мазила.

Однако уже на второй день я взялась за мольберт. У меня руки чесались написать самый что ни на есть слащавый пейзаж: озеро, лес, облака над лесом.

И тут неожиданно выяснилось, что у Кирилла аллергия на акриловые краски.

– У меня и на клей для обоев была такая реакция, – сказал он, почесывая розовое пятно на щеке. Оно стремительно краснело, по шее расползались два таких же.

Выход нашелся быстро. В ста метрах за коттеджем стоял сарайчик, довольно крепкий и даже закрывающийся на ключ. Там хранились лыжи и самокаты, велосипеды, принадлежности для рыбалки и разнообразный туристический хлам. Я обнаружила внутри коврики для йоги, шесть штук, аккуратно свернутых в рулоны, раскатала их и сложила в импровизированный топчан. Туда-то мы и перетащили принадлежности для рисования. К концу «переезда» Кирилл выглядел так, что я прогнала его и сама разобрала свои вещи.

Третий дом принадлежал нелюдистой тетке лет пятидесяти. Эту я даже толком не разглядела. Она исчезала рано, бродила по лесным тропам днями напролет, и только вечером в ее окнах ненадолго загорался свет. Пару раз мы замечали друг друга издали; она сворачивала в сторону и исчезала, приветственно махнув рукой напоследок, чтобы ее поведение не выглядело грубостью.

Два коттеджа стояли пустыми. Еще в одном жили муж и жена, которых я увидела мельком, когда они паковали вещи.

А на следующий день после их отъезда в дом вселилась странная парочка. Двое мужчин, один – огромный, как бык, бритый тип, заросший жирком. Этот явно решил сбросить лишний вес и занимался как подорванный: с утра бегал вокруг озера, потом отжимался на полянке, приседал, подпрыгивал, махал ручищами и подтягивался на турнике, который опасно провисал под его тяжестью. Второго рассмотреть не успела.

Во взрослой жизни я освоила одно простое правило. При первой возможности надо подглядывать, шпионить, запоминать и быть готовым использовать то, что узнал. Информация – единственная ценность, которая была мне доступна. Ее нужно собирать при каждом удобном случае, а лучше – создавать случай самой.

В «Прибое» я забыла об этом. Расслабилась. Существовала сама по себе, не интересовалась ни Оксаной, ни ее мужем. И к чему это привело? Не появившись там Кирилл, ревнивая баба придушила бы меня ночью подушкой и скормила фермерским свиньям.

Люблю подсматривать за людьми, когда они об этом не догадываются. Мало кто держит лицо, оставшись в одиночестве. У женщин сползают вниз уголки рта, щеки текут как у подтаявших снежных королев. Но и глаза смягчаются. Мужчин мне, по понятным обстоятельствам, за последнее время почти не довелось видеть. Но я знаю, что они могут меняться до неузнаваемости. Смотришь на какого-нибудь спящего шерстяного волчару, а из него лезет печальный ежик и фыркает.

Пока Кирилл спал, я выскользнула из дома и пробралась к коттеджу мужиков. Возле расчищенной площадки росла старая черемуха. Я огляделась, вскарабкалась по стволу, цепляясь за сучки, и уселась на ветке, поближе к стволу. От посторонних взглядов меня закрывали листья. Да и люди редко поднимают глаза вверх.

Ждать пришлось недолго. Как я и думала, первым вышел бирюк. Размялся, попрыгал, зачем-то растер затылок...

А затем стянул футболку.

Тут меня ждало два открытия. Во-первых, оказалось, что на нем ни грамма жира, сплошные мускулы. Бирюк подвесил на моем дереве мешок и давай пританцовывать перед ним и лупить его что было сил. Прямо машина для убийства! Бедная черемуха тряслась подо мной, точно колосок. Я обхватила ствол крепче, чтобы не упасть, представила, как от ударов облетят все листья и я откроюсь во всей красе – будто русалка на ветвях. Еще кота не хватает, но будь здесь кот, бедняга давно орал бы, вцепившись когтями в кору.

Во-вторых, на мужике не было татуировок. Я-то хотела поглазеть, что за партаки он набил себе за годы бурной молодости, но меня ждало разочарование. Шрамов у него хватало. А вот наколок не было.

Я про себя назвала его Бурым. Бурый – подходящее слово для этого типа. В нем и земля, и неподвижный валун, и хищный зверь.

Хлопнула дверь, из дома вышел, потягиваясь, его сожитель со стаканом то ли молока, то ли кефира.

Наблюдая за ними сверху, я решила, что эти двое все-таки не пара, а приятели. Этот, второй, рядом с Бурым казался натуральным дрищем, но вообще парень как парень. Чем-то на Кирилла похож, только поразвинченнее, что ли. Расслабленнее. В Кирилле все-таки чувствовалась внутренняя напряженность, и я уверена, что причина была не во мне.

– Ну-с, как успехи? – поинтересовался парень, обходя кругом приятеля, с которого лил пот. – Уже проработал дельтовидную?

– Макар, а Макар, – прохрипел Бурый. – Шел бы! Ты! Тренироваться!

Я поморщилась. Что за имя такое! Зато сразу ясно, что парню меньше тридцати, даже не надо в лицо заглядывать. Только с девяностых пошла мода называть детей разными диковинными именами, до этого, насколько я знаю, за партами сидели дружными рядами Лены, Светы, Иры, Наташи, да изредка – Алочки. У мальчиков выбор был побогаче, однако и в списке мужских имен Макаров не было, могу поклясться.

Я родилась в девяносто седьмом. Мама хотела назвать меня Кристиной, но тогда еще была жива бабушка. Она сходила в ЗАГС и записала меня Диной.

Мать взбеленилась, но было поздно. «В честь осеевской «Динки», – с упрямым спокойствием твердила бабуля. Зная мать, голову дам на отсечение, что бесилась она, потому что не читала книжку и была уверена, что таким образом бабуля ткнула ей в нос ее же невежеством.

И знаете, что самое забавное? Что за все последующие годы она так и не удосужилась ее прочесть. Даже после бабушкиной смерти.

Для бабули я всегда была Динкой. «Дину» она не признавала. Когда наступали каникулы, в первый же день мы с ней отправлялись в кафе. Бабуля заказывала рюмочку коньяка («Это для сосудов, рыбонька») и смаковала ее, пока я расправлялась с эклерами под кофе.

За первой рюмочкой следовала вторая, за второй – еще одна, и из кафе бабуля выбиралась в изрядном подпитии.

– Рыбонька, я, кажется, надралась, – сообщала она аристократическим тоном. – Но сегодня такой день! День твоей свободы!

Я была с ней совершенно согласна.

«Опять с этой алкоголичкой шарахалась? – злобно кричала вечером мать. – От тебя ее дрянью воняет!»

Дрянью мать называла духи «Ландыш серебристый», которые бабушка обожала и щедро орошала себя перед торжественными выходами.

Но никакие вопли не могли испортить радости от нашего с бабулей кутежа.

Парень отпил кефир.

– Я с утра не способен к спорту. Кстати, помнишь Марту?

– Всех твоих девиц запоминать...

– Да нет! Марту из Беловодья. Рыжую.

– А, малявку! – Бирюк чему-то обрадовался. – Таковую забудешь! А что?

– Помнишь, как мы ее встретили?

Тут спортсмен внезапно перестал колотить грушу и как-то странно застыл. Будто к чему-то прислушивался.

– Ага, – кивнул русский. – Вот-вот.

– И давно? – непонятно спросил бирюк.

– Где-то с полчаса. Но проще узнать у нее самой.

Он поднял голову и вежливо сказал:

– Сударыня, вас не затруднит спуститься?

С такой легкостью меня раскрыли впервые. Размышляя, где прокололась, я прыгнула со своей ветки на нижнюю, повисла на согнутых ногах вниз головой, крутанулась – и встала перед ними.

Бирюк фыркнул без всякого дружелюбия. Глаза темно-карие, широкий нос перебит, да не один раз. Насмотрелась я на такие носы! Рожа небритая, разбойничья.

Его приятель рассматривал меня насмешливо, склонив голову набок. Ничего примечательного в его внешности не было, кроме цвета глаз: серые, очень светлые. Радужка оставалась того же оттенка, когда на нее падало солнце, хотя у сероглазых, я не раз замечала, она меняется от голубого до зеленого.

Ясногородский, большой любитель камней, показывал мне как-то один из своих перстней, с прозрачным серым камнем. К тому времени он уже немного рассказывал мне о них, и я была уверена, что это горный хрусталь. «Ты почти права, – сказал Ясногородский. – Камень-обманщик: называется «рахтопаз», но не имеет отношения к топазам. Он – дымчатый кварц. Между прочим, раньше считалось, что может сводить владельца с ума. И вызывать темные силы, разумеется».

Темные силы, значит.

– Наши имена вам, без сомнения, известны, – сказал парень.

Я кивнула на бирюка:

– Его – нет.

– Сергей, – буркнул тот.

Таращится как солдат на вошь. Чуть дернешься – разотрет пальцем.

– Инна, – соврала я, не задумываясь.

– Что привело вас на нашу рябину, Инна? – осведомился русский.

– Это ольха, – сказал Бурий.

– Это черемуха, – поправила я. – Извините.

Оба задрали головы, рассматривая мое дерево.

– А где ягоды? – прогнусавил бирюк.

– В июле.

Русый засмеялся, и я невольно улыбнулась. Он вызывал безотчетную симпатию, и, поймав себя на этом, я мигом насторожилась.

Эти двое – враги. Как и все вокруг. Покупаясь на чье-то обаяние, вы даете собеседнику кредит доверия. А доверять никому нельзя.

– Извините, если помешала. – Я поковыряла ножкой землю. – Мне как-то неловко было появляться на глаза, когда вы, – я кивнула на бирюка, – начали заниматься. Как будто я подглядываю.

На лицах обоих явственно отразилась уверенность, что именно этим я и занималась. Какие неприятные люди.

Разрываясь между желаниями узнать об этих двоих побольше и держаться от них подальше, я все же протараторила:

– Мне пора, извините еще раз, хорошего дня, приятно было познакомиться.

И даже вполне искренне покраснела под пристальным взглядом парня.

Сунула руки в карманы спортивных штанов и пошла к озеру.

Слух у меня почти такой же хороший, как обаяние. Так что я прекрасно расслышала, как русский сказал мне вслед:

– Даже врет в точности как Марта.

Происшествие с этими двумя выбило меня из колеи, вернее, как раз вернуло в привычное состояние настороженности. Я слишком расслабилась в компании Кирилла за эти дни. Перестала просчитывать, с какой стороны можно ждать нападения.

Нехорошо.

Чтобы хоть что-то взять под свой контроль, я решила узнать, какими маршрутами ходит мой новый друг. Не то чтобы он отказывался брать меня с собой. Как-то получилось, что пока я спала, он гулял; днем наступала его очередь отсыпаться, в то время как я рисовала возле сарая. Кирилл явно привык долго бродить в одиночестве. Я не навязывала свою компанию. Но меня не оставляло чувство, что если бы я и попыталась это сделать, потерпела бы неудачу.

Общаться мы начинали со второй половины дня. А основная часть приходилась, откровенно говоря, на начало ночи.

Мне было с ним легко. Он не грузил меня проблемами, не жаловался на первую жену, которая не дает видеться с ребенком. Думаю, никакой первой жены у него и не было. Немного рассказывал о себе. Работал программистом в какой-то крутой конторе, название которой я забыла сразу, как только он его произнес. Родился и вырос в Москве. Жил один, в своей собственной квартире. Держал огромный аквариум во всю стену, заполненный рыбками, похожими на жар-птиц, за которыми в его отсутствие ухаживал специальный аквариумный человек. Время от времени срывался с места и летел в другую страну на выступления каких-то андеграундных рок-групп, игравших электропанк, техно и все в таком духе. Он даже побывал в Америке, чтобы попасть на концерт, который давали «Продиджи» вместе с «Линкин парк»!

Я слушала его, открыв рот. Перелететь через океан, чтобы попасть на концерт любимой группы! Мне сложно даже вообразить тот уровень дохода, который позволил бы мне так же запросто перемещаться по всему земному шару в поисках того, что приносит удовольствие. Но главное – не деньги. Уж в этом-то я

могла себе признаться. Уровень внутренней свободы – вот в чем было между нами различие. Я младше Кирилла на восемь лет, но отчего-то застряла во времени и мире моей матери, где заработанное нужно было прятать в кубышку, а путешествие в другую страну на несколько дней расценивалось как блажь. «Как начнешь получать зарплату, первым делом откладывай», – учила мать, когда была в хорошем расположении духа. А в плохом просто орала, что кормит дармоедку.

После рассказов Кирилла о концертах я брякнула, что мне нравятся Шакира и Тейлор Свифт. Ну, думаю, сейчас скорчит рожу! Вместо этого он засмеялся, стал требовать, чтобы я станцевала для него танец живота под «Ла тортур», и понятно, чем дело кончилось.

После того как меня постыдно разоблачили на черемухе, я вернулась в коттедж и сразу юркнула в кровать. Может, поваляться до полудня и потом остаток дня бездельничать? Но тут проснулся Кирилл.

– Дин, ты спишь?

Я сонно пробормотала, что гуляла, но теперь опять засыпаю. Что было почти правдой. Но сквозь ресницы наблюдая, как Кирилл готовится к прогулке, даже не позавтракав, вспомнила о своих планах.

Собрался он быстро, как в армии. Покрутил шеей, размялся. Сунул ноги в трекинговые ботинки – и был таков.

Не он один умеет быстро одеваться. Три минуты спустя я шла следом, держась за деревьями, чуть поодаль.

Бабуля часто с гордостью говорила, что из меня получился бы идеальный охотник или следопыт. Мы с ней ходили вместе за грибами; я исчезала, а она должна была угадывать, с какой стороны я появлюсь. Мне удавалось провести ее четыре раза из пяти, а уж бабушка умела слышать лес как никто.

Но Кирилл, к моему удивлению, не стал углубляться в ельник. Сделав широкий полукруг, он вернулся к лагерю и вышел возле коттеджа пловчихи. Я слышала

их голоса с той стороны дома, что выходила на озеро.

Пыталась подкрасться ближе, но под ногами как назло зашуршал гравий.

Темно-синяя машина стояла у входа, возле кустарника, усыпанного нежными розовыми бутонами. Багажник поднят, но в нем ничего, кроме обычных принадлежностей автомобилиста: канистра с омывайкой, щетки, огнетушитель, аптечка...

Я спохватилась, что голоса стихли. Раз – и выключили одну из дорожек, оставив только шум деревьев. Мимо, насвистывая тихонько под нос, прошел Кирилл – я едва успела присесть за машину. Из приоткрытой двери повеяло нежным цветочным ароматом.

Кирилл выглядел спокойным и удовлетворенным, как будто условился с пловчихой о чем-то приятном. «Забили время для встречи», – подумала я. Не испытала ни ревности, ни отвращения, только злое разочарование: за какую же дуру они оба меня держат!

Когда шаги Кирилла стихли, я выбралась из-за машины и пошла туда, где осталась Анастасия. Гравий хрустел под ногами оглушающе громко. На середине озера снова болтались рыбаки, их лодчонка то появлялась, то исчезала в голубом просвете между кустами.

Перед домом ее не оказалось. Склон в этом месте спускался уступами, и на каждой широкой земляной ступени для укрепления почвы росли можжевельники и что-то хвойное, стелющееся, с широкими разлапистыми ветками, похожее на ползучую голубую ель. Я подняла взгляд на окна, уверенная, что она наблюдает оттуда за мной, но и окна были пусты.

Тогда я демонстративно уселась на склоне между двумя можжевельниковыми кустами, закатала штанины, чтобы ноги загорали. Бабуля называла мою бледность аристократической. Мать говорила: «Синюшная как покойница!» Думаю, мать была ближе к истине.

Я сидела и размышляла, как мне применить новое знание. Вы можете решить, что я сделала слишком далеко идущие выводы из мимолетного эпизода, но очень уж значительное у Кирилла было лицо. И в то же время умиротворенное. С

таким лицом не выслушивают согласие одолжить велосипед или, не знаю, ракетки для бадминтона.

Солнечный зайчик попал мне в глаз. Я зажмурилась, отклонилась в сторону, не понимая, от чего отражается солнце. Передо мной были только кусты. Слюдяная пластинка? Осколок от разбитой пивной бутылки? Я сползла ниже по склону. Не люблю загадок – от них одни неприятности. Странно я, должно быть, выглядела со стороны, пробираясь, точно перевернувшийся на спину паук, среди ползучих голубоватых побегов.

Сначала я увидела ноги. Ноги в кедах, совершенно белых кедах, очень чистых – из-за их чистоты я, наверное, и подумала первым делом про манекен, ведь живой человек не может бродить по земле среди иголок и не испачкать обувь. Манекен валяется среди кустов – что здесь удивительного?

Мозг еще цеплялся за это объяснение, но я уже видела и длинные ноги в голубых джинсах, тоже очень чистых, и футболку со скомкавшейся надписью, от которой можно было разобрать лишь отдельные буквы. Но я знала, что там написано. «Я ВСЕГДА ПРАВА». И чуть ниже – тэг: «#ноэтонеточно».

Ноэтонеточно, сказала я себе. Запрокинутое лицо, широко открытые глаза со жгутиками красных прожилок; странно, но когда она была жива, казалась мне надменной красивой куклой, а сейчас, погибнув, стала совершенно живым человеком, просто почему-то мертвым.

Я плохо объясняю.

Соображала я куда лучше. Спустившись к девушке, проверила пульс – на руке и на сонной артерии. Пульса нет. На губах пена. Я достала телефон, включила фонарик, посветила ей в зрачки, хотя и не была уверена, что в этом есть какой-то смысл, раз глаза у нее открыты. Никакой реакции.

Тэг отменялся.

Она была не живая. Это точно.

Вы хотели отгадку, Дина Владимировна? Вот вам отгадка.

Неприятности случаются не из-за вопросов, а из-за ответов.

На расстоянии ладони от светловолосой головы валялись солнечные очки «авиаторы». Они очень шли Насте, и я с трудом удержалась от идиотского желания надеть их ей, чтобы закрыть покрасневшие белки глаз и чтобы она снова стала красивая, как была.

Под ногой у меня обломанная ветка щетинилась сухими желтыми иглами. Я поползла вверх, замечая, как веником, следы ладоней и обуви. Добравшись до площадки, сунула ветку под густой можжевельник.

Рыбаки так и сидели в лодчонке, точно фигурки над голубым циферблатом, появляющиеся в урочный час. Все выглядело как обычно. Сверху разглядеть тело было невозможно, а очки я перевернула стеклами вниз перед тем, как убраться оттуда.

Я ушла в лес, села под огромной сосной и стала думать.

Мой бойфренд убил девушку. У меня больше язык не поворачивался называть ее пловчихой. Он задушил ее и скатил тело вниз по склону, где его закрывали кусты.

Но машина с открытым багажником осталась на месте, как и все ее вещи. Уборщица придет готовить коттедж к приезду новых клиентов, забеспокоится, обойдет его вокруг и обнаружит Настю.

На что он рассчитывал?

Зачем он ее убил?

Теперь ясно, что он привез меня сюда не просто так, из внезапно возникшей острой симпатии – ха-ха! – а для отвода глаз. Кем Настя ему приходится? Сестрой? Или девушкой, с которой он расстался?

«Жена!» – осенило меня.

Бывшая, с которой они что-то не поделили: квартиру, ребенка или бизнес. Он приехал сюда за ней следом, взяв в компанию молодую дурочку, чтобы Настя не слишком забеспокоилась, и все это время они делали вид, что не знакомы. У них были чертовски плохие отношения, раз за эти дни ни тот, ни другая себя не выдали.

Перед отъездом Насти он все-таки убедил ее что-то обсудить. И убил – легко и быстро, в двух шагах от меня, пока я сидела за машиной и представляла, как они кувыркаются в постели.

Что мне делать?

Любой нормальный человек сказал бы: сообщить о своей находке.

Ненавижу нормальных людей! Ограниченных, как белые мыши, своим ничтожно малым опытом в стеклянной банке благополучного существования – ни шагу ни вправо, ни влево; всегда имеющих наготове правильные ответы, которые они суют тебе под нос, как десятирублевую монету нищему, с таким видом, словно осчастливили его тысячной купюрой.

Правда в том, что как только здесь появится следователь, меня возьмут вместе с Кириллом. Плевать все хотели на мой лепет о непричастности. Пробьют богатую биографию Дины Чернавиной – и добро пожаловать в знакомый мир! Убила с любовником его бывшую жену, рассчитывая на долю от продажи загородного дома или что там у них.

Над головой тоскливо прокричала птица, словно лишилась и птенцов, и гнезда.

Некуда мне деться с Озерного хутора. Бежать – без машины, без денег? Меня будут разыскивать как соучастницу.

Черт бы побрал Настю! Позволила себя убить как последняя курица!

Беда в том, что я не могла позволить ей гнить на склоне. Нормальные люди были правы.

Я встала. Пора идти на базу. Вот же бедняги – еще и им не хватало такой рекламы!

Сбегая вниз по тропе, я в последнюю секунду вновь свернула к Настинному коттеджу. У меня возникла идея: я сделаю вид, будто обнаружила тело только что. Завизжу так, чтобы услышали рыбаки и родители Стеши с Егором на дальнем берегу – вон они, сидят в своих креслах-качалках, неподвижные, как восковые фигуры.

Нужно только придумать повод, объясняющий, зачем я отправилась к Настинному дому. Может быть, что-то случайно забросила в заросли? Ключи? Да, хорошая мысль.

Я начала мысленно проговаривать свою фальшивую историю – и остановилась как вкопанная.

Распахнутая прежде дверь коттеджа была плотно закрыта. Машина исчезла.

Что за фокусы?

Быстро обойдя коттедж, я сбежала вниз, цепляясь за колючие ветки можжевельника. Тела не было.

Ни тела, ни «авиаторов».

Я очень спокойно и неторопливо огляделась, проверяя, на том ли месте нахожусь. Ветки вокруг не были примяты. Ни углублений на земле, ни следов... Ничего, совершенно ничего не говорило о том, что час назад здесь убили человека.

В книжках герои, столкнувшиеся с чем-то необъяснимым, начинают подозревать себя в психическом расстройстве. Никогда этого не понимала. Или ты уверен, что находишься в своем уме, или нет. С моими мозгами все было в порядке.

Здесь лежало тело. Теперь оно исчезло. Пока я мучилась угрызениями совести, кто-то унес его и замаскировал следы.

Под можжевельником обнаружилась моя засохшая желтая ветка. Один из рыбаков в лодке встал и смотрел в мою сторону; я помахала ему веткой, широко оскалившись, и он взмахнул в ответ своей панамой.

Шторы были задернуты. Я точно помнила, что когда была здесь в первый раз, на меня смотрели глубокие провалы окон. После этого запертая дверь уже не могла меня удивить. Коттедж выглядел покинутым.

Когда я вернулась, Кирилл на кухне гремел посудой.

– Мясо свежее привезли! – крикнул он, высунувшись на секунду в коридор. – Индюшатину! Ты заметила, что в Карелии индюшатино страшно популярно? Кстати, если тебя интересует, из нее получится бефстроганов. Юхимовна предлагала котлеты, но мне они надоели. А тебе?

– И мне, – сказала я и улыбнулась.

Кирилл поцеловал меня в лоб.

– Чем занималась? Я думал, ты будешь дрыхнуть до полудня.

– Порисовала немного, прогулялась, познакомилась с обитателями восьмого коттеджа.

– Как они, вменяемые?

Я пожала плечами.

– В таких местах вменяемым считается тот, кто не мешает жить соседу.

Кирилл засмеялся.

– Кстати о соседях! – Я переместилась так, чтобы видеть его лицо. – Настя уехала, что ли? Я зашла к ней попросить утюг, а все закрыто.

– Понятия не имею.

Нет, он не изменился в лице. И стук ножа по разделочной доске остался таким же равномерным, как был. Я поймала его дружелюбный открытый взгляд, сказала, что поваляюсь с книжкой, и сбежала.

Мне нужно было хорошенько подумать.

Сыщики

– Как ты узнал, что девица на дереве? – спросил Сергей.

Илюшин ухмыльнулся:

– Видел из окна, как она забиралась. Утром поднялся раньше тебя, побрел в туалет, смотрю в окно: ба, красotka лезет по стволу, как обезьяна. Вскарabкалась с такой скоростью, будто всю жизнь бегала по пальмам за кокосами.

– И ничего мне не сказал?

– Может, я надеялся, что она спрыгнет тебе на голову. Но занятная барышня, согласись?

Бабкин хмыкнул. Да уж, занятная. Подальше бы держаться от таких барышень.

Ей удалось поразить его дважды за короткое время. Во-первых, когда она исполнила акробатический номер, спускаясь с черемухи. Это было эффектно, сказал потом Макар, и Сергею оставалось только кивнуть. Может, девчонка из цирковых?

А второй раз он опешил, когда она, спрыгнув, потопталась на месте и вдруг как-то... уменьшилась. То ли голову вжала в плечи, то ли ссутулилась – Сергей не успел отследить, – но только с нее одним махом слетело лет пять. Некоторые его знакомые дамы за такую способность отдали бы многое. До сих пор единственным человеком, способным проделать такой фокус, был только Макар.

Теперь перед ними стояла бледненькая девчушка лет семнадцати: трогательно-беззащитный взгляд, обиженно припухшие губы. На лице написан испуг.

«Дяденьки, не бейте!»

И только когда она коротко и неожиданно хмуро зыркнула на засмеявшегося Илюшина, все встало на свои места.

«Недостаточно ты, малышка, отработала трюк», – злорадно подумал Бабкин.

– Надеюсь, за этой не собираешься ухлестывать? – Он забрал у Илюшина турку, в которой тот пытался сварить какую-то бурду, и вылил в раковину. – Девчонка – стреляный воробей, хоть и прикидывается наивной.

Тот пожал плечами.

– Не в моем вкусе. К тому же она с бойфрендом.

– Ты, я так понимаю, наострил лыжи к прекрасной Анастасии? – флегматично поинтересовался Бабкин, наблюдая, как Макар ищет свежую футболку. – Кофе на тебя не варить?

Илюшин потянулся.

– Варить. Прекрасная Анастасия варит такое... Короче, кофе – не ее сильная сторона.

Сергей, закрыв дверь за Макаром, для начала отправился к базе и позвонил оттуда Маше. Жена сообщила, что пьет с филологами, и Бабкин помрачнел. Не на это он рассчитывал, отправляя ее в Саратов на круглый стол переводчиков. Филологи представились ему тщедушными изнеженными мужчинами со склонностью к беспорядочным связям. Однако Машиными собутыльниками оказались какие-то профессор с женой Натальей и собачкой Фросей. Они веселыми голосами издали звали его в Саратов на рыбалку, обещая раков, уху из ершей и наливку на черноплодной рябине. Собачка одобрительно гавкала. В общем, приличнейшие люди.

На секунду он пожалел, что уговорил Макара на Карелию. Махнул бы сейчас к жене и чужой собачке. Пил бы наливку с профессором. Хохотал бы над филологическими байками.

Но тут Маша сурово сказала, что ей пора на форум, и он сообразил, что целыми днями болтался бы без дела. А чем заняться без дела в Саратове, он совершенно не представлял.

В Карелии такого вопроса не возникало.

Сергей повалялся на берегу озера под нежарким солнцем. Поболтал с рыбаками. Разведаль у них, в какой стороне черничник, прогулялся по теплomu, смолой и можжевельником пахнущему лесу до густых темно-зеленых зарослей кожистых листочков, жестким ковром покрывавших землю, сорвал единственную ягоду, оказавшуюся травяным клопом. Снова зашел на базу, договорился с менеджером Тимуром, каких продуктов забросить им с Макаром к завтрашнему утру. Пообщался с Валентиной Юхимовной, которая в ипостаси Юхимовны работала в Озерном поварихой, а в ипостаси тети Вали – уборщицей, получил от нее кило замороженных пельменей. Пожилые женщины со сложным характером Бабкина любили, привечали и подкармливали, как дикого кота: со всем уважением.

Затем вернулся к дому и на крыльце увидел Илюшина. От веселого настроения Макара не осталось и следа.

– Выгнала, – констатировал Сергей, подходя.

– Уехала, – лаконично сказал Макар.

– Как уехала?

– Вот так. Машины нет, дом пустой. Менеджер говорит, она собиралась не сегодня-завтра возвращаться в Москву... Но я как-то не рассчитывал на отъезд по-английски.

– А ее номера у тебя, конечно, нет, – утвердительно сказал Бабкин.

Илюшин покачал головой.

– Я бы и не стал звонить.

– Тебя сильнее огорчает, что уехала или что попрощаться забыла? – прямо спросил Сергей.

Макар поднялся.

– И то, и другое. Первое огорчает, второе обескураживает. Ближайшее время собираюсь пребывать в огорченно-обескураженном состоянии.

Бабкин про себя усмехнулся. Ближайшее время, как же. Вызвав в памяти образ прекрасной Анастасии, он мысленно дал Илюшину целых пять часов, чтобы утешиться.

Глава 5

Динка

Следующие два дня прошли чудесно. Если не считать, что я обдумывала план побега и смены имени, а Кирилл... Не знаю, о чем думал он. Выглядел и вел он себя в точности так же, как прежде. Был заботлив, ласков, весел и относительно расслаблен. Относительно – потому что, как я уже говорила, мне постоянно чудилась в нем некая внутренняя собранность, как у снайпера, который часами лежит неподвижно, лениво следя за листвой на другом берегу реки; но в тот момент, когда среди деревьев мелькает человеческая фигура, уже раздается выстрел.

Все решили, что Настя уехала. Коттедж был оплачен заранее, с запасом, а отъезд она обсуждала с Чухраем и Тимуром, уточняя, что не уверена в дате. Никого не насторожило, что машина незаметно проехала мимо базы. Здесь, в Озерном, вообще никто не обращал друг на друга внимания.

Кроме разве что Стеши с Егором.

Они по-прежнему прибегали играть со мной по вечерам. Мы носились по берегу озера, дурачились, строили затоны и бобровые плотины. Как-то Стеша притащила целый лист крошечных наклеек в японском стиле, и мы делали друг другу маникюр, приклеивая их на ногти. Мне достались малюсенькие панды, Стеше – разноцветные котята.

Время от времени я замечала, что за мной наблюдают. Иногда это был Кирилл, иногда – русский парень из восьмого домика, с которым я так неудачно познакомилась. Бурый меня демонстративно игнорировал. Типичный женоненавистник!

Если бы я знала, какую шутку сыграют со мной игры в компании Стеши и Егора! Я бы в первый же день знакомства наорала на них, чтобы они и думать забыли даже подходить ко мне, не то что звать в свою маленькую банду.

Теперь я повсюду следовала за Кириллом. Он выходил утром на свою прогулку – и я кралась за ним. Он договаривался с Тимуром о том, чтобы наутро нам привезли творог, – я подслушивала их разговор под окном. Он бегал вокруг озера, и я не отводила от него взгляда, прячась за шторой.

Иногда я думала, что где-то ошиблась. Кирилл не убивал Настю. Кто-то пришел после него, задушил ее, сбросил тело вниз по склону... Но, черт возьми, я была там! Никто не подходил к коттеджу, кроме него.

– Валя ягоды привезла с рынка, – сказал мне при встрече Чухрай. – Зайди на базу.

Вообще-то Чухрай – это фамилия, зовут его Гордей Богданович. Должность – лодочник. Ко всем обращается на «ты». Сначала я решила, поглядев на него, что дядька крепко закладывает. К матери захаживали такие мужики: кряжистые, бородатые, похожие на леших, и все до одного пили как черти. Но Чухрай за все время, что я за ним наблюдала, ни разу не появился пьяным.

Лодочник жил в двух шагах от озера, в домишке на сваях. Если бы вдруг случилось чэпэ, именно к Чухраю надо было мчаться со всех ног как к самой

ближней точке связи, и нас строго проинструктировали на этот счет. Он выполнял должность спасателя, выдавал лодки и снасти, водил туристов по лесу, пока его подменял Тимур. Эти трое – Валентина, Тимур и Гордей Богданович – удивительно ловко управлялись с Озерным хутором. Между собой они называли его исключительно «лагерь», и постепенно это слово подхватили и туристы. Конечно, был еще шофер, который при необходимости встречал гостей с поезда или отвозил их в райцентр; были поставщики продуктов и подсобные рабочие, но они появлялись незаметно и так же незаметно исчезали.

Хибара Чухрая представляла собой хозяйственный сарай. В нем было выделено спальное место для хозяина; имелись и плитка со столиком – здоровенным сосновым чурбаном. При этом в хибаре царил идеальный порядок. Чухрай постоянно что-то чинил, латал и ремонтировал, а когда не занимался этим, вырезал по дереву.

Мне нравилось сюда забегать. Здесь пахло резиной, клеем и свежей стружкой. Чухрай делал вид, что не замечает меня; он, кажется, объединял нас мысленно в одну группу со Стешей и Егором, и нам позволялось немного больше, чем остальным. Других-то бездельников он быстро выпроваживал.

Ягоды! Обрадовавшись, я рванула наверх, к базе, пока раньше меня туда не добрались малявки. Эти двое хоть и мелкие, но прожорливые, как галчата, а я не была уверена в стойкости Валентины Юхимовны.

С утра ее зычный голос разносился по всему лагерю. Бедняга Тимур напортачил на кухне – кажется, забыл закрыть дверцу морозилки, и теперь Юхимовна призывала на его голову все кары небесные.

Справа на тропе мелькнула знакомая фигура. Молчаливая тетка, имени которой я так и не узнала, топала с рюкзаком на спине и большой спортивной сумкой в руке в сторону автобусной остановки. Да, как ни странно, мимо нас тоже ходят автобусы, но только ходу до шоссе – шесть километров через лес. Тетка явно не захотела ждать шофера, который отвез бы ее к автостанции.

Я ее понимала. Между трясущейся «буханкой», в которой пахло освежителем «морской бриз», и прогулкой по лесу в последний день отдыха я бы тоже выбрала последнее. Бриз пованивал так, словно в море издохли все русалки.

Я мысленно помахала тетке вслед. И двинулась бы дальше, забыв о ней через минуту, если бы не вторая фигура.

Кирилл!

Он выступил из-за дерева, постоял немного, не замечая меня, и, мягко переступая, последовал за теткой.

Ягоды вылетели у меня из головы.

Предположим, мой приятель разведывает новый маршрут. Но ведь он прятался, ждал ее!

Не раздумывая, я побежала за ним.

Так мы и шли по лесу: впереди – тетка, бодрая и резвая, несмотря на сумку и рюкзак, за ней – Кирилл, за Кириллом – я.

Сначала у меня теплилась надежда, что он хочет помочь ей с тяжелой ношей. Но уже минуту спустя стало ясно, что мой друг держит дистанцию.

Что ж, держала ее и я.

На длинном прямом отрезке он внезапно ускорил шаг, почти догнал тетку, и оба скрылись за поворотом. Мне почудился тихий вскрик.

Я пошла быстрее, затем побежала, и вдруг тропа вывела меня на широкую поляну. На пригорке розовел кипрей, вокруг него через поваленные деревья переползал ярко-зеленый мох. Ни Кирилла, ни женщины не было.

За поляной тропа вновь углублялась в лес и спускалась в сырую и довольно мрачную низину. Пройдя по ней, я уперлась в подсохшую лужу. Когда под кроссовкой негромко чавкнуло, меня осенило; я огляделась, присев на корточки.

Вокруг не было ничьих следов, кроме моих.

Я возвратилась к поляне. Встала под прикрытием сосен, прислушалась. Ни разговоров, ни криков...

Но Кирилл и женщина были на поляне! Неужели свернули в лес?

Я снова бросила взгляд на изумрудный ковер, опоясывающий поляну. В грязи следов не осталось... А во мху?

Шаг за шагом я обследовала ковер и наконец нашла то, что искала: несколько глубоких вмятин, сломанные веточки, медленно распрямляющиеся травинки. Здесь шли, и шли совсем недавно.

В двух шагах от меня мох дыбился, как животное, выгибающее спину. Я села рядом, захватила ворсинки ладонью, точно шкуру, и потянула на себя. Ковер оторвался от земли неожиданно легко, и я повалилась на спину.

Она лежала под ним. На животе, с закрытыми глазами. По ее щеке полз крошечный муравей, вокруг начинали копошиться еще какие-то насекомые, в чей мир вторглись без спроса. Под виском, как подушка, – большой камень.

Я, кажется, выругалась вслух, или сказала «господи боже мой», или и то и другое. Подползла, прижала пальцы к шее, над багровой бороздой с припухшими краями. Тихий, но отчетливый пульс заставил меня отдернуть руку. Я перекатила ее на спину, прижалась ухом к ее груди – и снова почувствовала слабые толчки.

На этот раз я точно сказала «господи боже мой».

Она была жива.

Я действовала очень быстро и, как мне казалось тогда, без участия сознания. Немного запрокинула ей голову, выдвинула ее нижнюю челюсть – это получилось на удивление легко – и проверила, не запал ли язык.

Чем дольше я на нее смотрела, тем яснее понимала, что не сделаю то, что требуют нормальные люди.

Я не побегу на базу. Не сообщу о второй жертве. На меня не повесят два трупа.

Хотя это-то еще не труп.

Несколько секунд я об этом сожалела. С трупом у меня не было бы никаких хлопот. Я бы оставила ее здесь, прикрыла мхом, а сама вернулась бы домой за документами, а там ищи-свищи! Попробуй, найди автостопщицу!

Полумертвая тетка закрыла мне этот путь своим большим тяжелым телом. Завалила, так сказать, приоткрытую дверь.

Жизнь приучила меня не паниковать попусту. Решение, принятое в паническом состоянии, – худшее из возможных. В конце концов, давайте смотреть на вещи здраво: не я лежала во мху со следом от удавки на шее. И – нет, я бы не поменялась с ней местами.

Положение мое было безрадостным. Но не безвыходным.

Ответ пришел сам, стоило мне подумать о выходе.

Я вернулась быстрым шагом к коттеджам. Дети, слава небесам, играли на другой стороне озера и не заметили меня. Вторая удача: лодочника в его берлоге не оказалось.

Я просочилась в приоткрытую дверь. Взяла с верстака большой нож, проверила пальцем остроту. Чухрай затачивал свои инструменты как следует.

Четыре лодки на берегу возле хибары были закрыты брезентовым полотном, закрепленным с одной стороны на металлических стойках, а с другой прижатым к земле кирпичом. Я отбросила в сторону кирпич, откромсала ножом широченный кусок брезента, быстро скатала в рулон. С сожалением вернула нож на место. С оружием я чувствовала себя увереннее, но спрятать его мне было некуда. К тому же внутренний голос подсказывал, что кража ножа – серьезное дело для Гордея Богдановича, и он может затеять расследование. Брезент спишут на рыбаков и махнут рукой.

В конце концов, в кармане у меня с первого дня хранился маленький перочинный ножик, – я нашла его в кухонном ящике.

С полотнищем я вернулась к женщине. Она лежала в том же положении, в каком я ее оставила. Пульс прощупывался, лезвие ножика, которое я приложила к ее приоткрытым губам, запотело. Рана на виске не казалась страшной – да и в самом деле, что может быть еще страшнее, чем удушение!

Извини, мысленно сказала я, доставить тебя в больницу – не вариант. Давай уж как-нибудь обойдемся своими силами.

Сил мне потребовалось чертовски много.

Труднее всего было перевалить ее на брезент, а затем вытащить на тропу. За нами во мху оставался такой след, будто поляну пересек гигантский слизень. Я догадалась соединить концы полотна так, чтобы можно было закрепить их на груди, и потащила за собой.

Я сильнее и выносливее, чем выгляжу со стороны. Но Безымянная оказалась такой тяжелой, что я дважды падала, совершенно вымотанная, – точно браконьер, заваливший слона и вынужденный тащить его до деревни в одиночку. Те трое детишек на картине Сурикова, что тащили сани с бочкой, вообще-то были с помощником. Мало кто замечает мужика, который толкает сани сзади, но Ясногородский приучил меня обращать внимание на детали.

Что сказал бы сейчас мой наставник?

Дважды я поднималась и надевала стропы. К концу пути я ощущала, что уменьшилась, превратившись в карлицу, а Безымянная выросла, как гора. Я была муравьем, пытавшимся сдвинуть кирпич; червяком, волочащим за собой гранитный валун.

Вместо двери в сарай я толкала каменную плиту. У меня ушло не меньше получаса на то, чтобы втащить брезент с неподвижным телом внутрь. Перевалив ее на полиуретановые коврики, я упала рядом, как выброшенная из воды рыба, и хватала воздух ртом.

Когда я подняла голову, тетка приоткрыла глаза и смотрела на меня. Во взгляде была осознанность! Она меня видела! Губы ее слабо зашевелились. Теперь мы, как две полудохлых рыбины, лежали друг напротив друга и что-то пытались друг другу сказать.

Если бы не ее взгляд, я бы не смогла заставить себя подняться. Но женщина чего-то хотела от меня. Я встала, шатаюсь, доковыляла до полки, где стояла бутылка с водой.

Не знаю, сумела ли она что-то проглотить. По-моему, нет. Я держала ей голову, сама она только приоткрыла рот, но даже это микроскопическое усилие отняло у нее все силы – бедняга закатила глаза и обмякла.

«А ведь если она сейчас скончается, это будет исключительно твоя вина», – сказал у меня над ухом вкрадчивый голос Ясногородского.

«Так уж и исключительно, – огрызнулась я. – Не я душила ее. Не я хотела скормить муравьям».

Леонид Андреевич молчал, но его молчание было выразительнее слов.

Я боялась, что своим брезентовым одеялом пропахала на тропе ров глубиной в полметра, и воспряла духом, обнаружив, что это не так. Конечно, след был. Но я набрала в подол футболки иголок и шишек и расшвыривала их по дороге, точно сеятель, пока возвращалась к поляне. Так себе маскировка, но я надеялась, что приглядываться никто не будет. День клонился к вечеру, а за ночь все станет, как было.

Он припрятал тело. Зачем ему возвращаться?

Все мои рассуждения показывают, как плохо я понимала, что происходит.

Тетка спала. В аптечке коттеджа нашелся хлоргексидин, и я промыла ей рану на шее и на виске. Она даже не проснулась. Притащила запасное одеяло, укутала ее, как младенца. Потрогала нос – теплый. Во всяком случае, она не мерзла.

Теперь, сидя рядом со спящей, я попыталась обдумать случившееся.

Мой новый друг не убивал свою бывшую жену. У него и жены-то никакой не было – теперь я в этом не сомневалась. Он убил незнакомую женщину, а затем отправился следом за второй и ее тоже прикончил.

Во всяком случае, так он считает.

Как он мог ошибиться? Безымянная оказалась крепче, чем он думал? Она потеряла сознание, а он не прощупал пульс? Или что-то заставило его торопиться? Как бы там ни было, он бросил ее, полуживую, и ушел в уверенности, что она мертва.

Ладно. План такой: бежать. Прямо сейчас. При первой возможности позвонить в полицию, рассказать, где лежит Безымянная и кто с ней это сделал. Выкинуть телефон. Бежать дальше.

Я вышла из сарая, прикидывая на ходу, что мне нужно взять.

В коттедже сразу же сунула в рюкзак паспорт (слава богу, Кирилл не настоял на том, чтобы закрыть его в сейфе). Спортивные штаны и футболку с кофтой скатала в трубочку, чтобы занимали меньше места. Белье. Прокладки. Питьевая вода и шоколадка из холодильника.

Да здравствуют нынешние рюкзаки, в которые можно вместить все необходимое для жизни на первое время.

Да здравствует нынешняя жизнь, в которой можно несколько дней протянуть с таким вот рюкзаком.

Под конец я залезла в портмоне Кирилла и опустошила его подчистую. Выгребла даже мелочь. Взяла бы и карточки, если бы не боялась, что меня по ним отыщут.

Мне не хватило каких-то двух минут.

Хлопнула дверь, Кирилл показался в дверях – я едва успела задвинуть ногой рюкзак под кровать. Он подошел, странно улыбаясь. Я попятилась, оказалась спиной к окну, упираясь ладонями в подоконник, Кирилл – передо мной. Бежать некуда.

– Дина, тебе что-нибудь говорит слово «бриология»?

Я молча покачала головой.

– Это раздел биологии, изучающий мхи.

Я так же молча кивнула. Передать не могу, как сильно я жалела в этот момент, что не утащила из хибары Чухрая разделочный нож.

– Если бы здесь был бриолог, Динка... Ты понимаешь, да? Человек, изучающий мохообразные растения. Так вот, будь рядом бриолог, он бы объяснил тебе, что примятый мох расправляется очень долго. Даже след от ладони может сохраняться несколько часов. Конечно, все это верно, если мох сухой. Если влажный, процесс происходит быстрее.

Кирилл вгляделся в меня с каким-то новым выражением. Я прежде не наблюдала у него такого. Может быть, это лицо видела Настя перед тем как умереть.

– На чем ты ее тащила? – без перехода спросил он.

– На брезентовой подстилке. – Слова вырвались у меня быстрее, чем я успела подумать.

Кирилл одобрительно кивнул. Вряд ли одобрение относилось к моим действиям, скорее, к его собственной догадливости.

– И где она сейчас?

У вас не бывало ощущения, что иногда, в критические моменты решение принимаете не вы сами, а кто-то другой, – безусловно, умнее вас, опытнее, а главное, как будто знающий наперед, что нужно сделать, чтобы вас спасти?

Ваша улучшенная разновидность, побывавшая в будущем. Ангел-хранитель, если хотите.

Я сначала услышала голос, а затем осознала, что это я отвечаю Кириллу.

– Тебе не нужно об этом беспокоиться.

Он уставился на меня. Но если я чему-то и научилась за последние годы, так это держать покерфейс. Я смотрела на него с уверенностью, которой у меня не было и в помине.

– Не нужно беспокоиться? – медленно повторил Кирилл.

Я покачала головой. Кажется, даже слегка улыбнулась. Бабуля учила: не знаешь, что говорить, – улыбайся. И всегда прибавляла, что это правило работает только для женщин, а мужчину, вздумай он следовать ему, как следует отдубасят.

Кирилл притянул меня к себе, обнял за плечи. Несколько секунд мне казалось, что он прилаживается свернуть мне шею, но он всего лишь повел меня к двери. Я бросила короткий взгляд на лямку рюкзака, высовывавшуюся из-под кровати.

Не снимая руки с моего плеча, он вышел вместе со мной на поросшую травой площадку перед окнами нашего коттеджа. Под нами лежало озеро. Закатное солнце окрашивало воду в розово-серебристый цвет. От деревьев протянулись длинные тени, и шелест леса, к которому я привыкла, совершенно стих.

Слышны были только детские голоса и громкий смех.

Стеша и Егор носились у воды. Брызгались, швырялись шишками, кричали какие-то глупости. Растрепанные, мокрые, перепачкавшиеся с ног до головы.

Кирилл бережно заправил мне за ухо выбившуюся прядь волос. Я знала, что ни в чем не виновата, но, стоя рядом с ним, ощущала себя сообщницей убийцы.

Он посмотрел на меня, затем перевел взгляд на детей. Улыбка исчезла с его лица, он просто следил за ними, без всякого выражения, и у меня мороз

пробежал по коже.

Я поняла, зачем он привел меня сюда и что он хочет мне объяснить.

Его ладонь придавила меня к земле. Я перестала дышать, перестала воспринимать цвета: все вокруг окрасилось мертвенно-белым, и только две маленькие фигурки оставались яркими, как свет огоньков в темноте.

Безмолвное предупреждение Кирилла было яснее ясного. До тех пор, пока я молчу и остаюсь рядом с ним, дети будут живы. Как только я исчезну из его поля зрения, он их убьет. Ему это не впервой.

Во мне зародилась безумная надежда: можно предупредить их родителей, перед тем как сбежать! Но едва мне вспомнились два овоща в креслах, я сникла. Чутье подсказывало, что Кирилл умен, как крыса. Он перехитрит любого, кто попробует ему помешать, а того, кого не сумеет перехитрить, прикончит. И услужливого юношу Тимура, и ворчливую Валентину Юхимовну, и вечно насупленного Чухрая.

Так мы стояли с ним вдвоем, похожие на счастливых молодоженов, умиляющихся чужим детишкам.

– У, да ты замерзла! – засмеялся Кирилл, потрогав мне нос.

Я сразу подумала о Безымянной, спавшей в сарае.

Хотя бы в одном мне удалось его обмануть.

– Пойдем, моя радость!

Он легко подхватил меня и донес до крыльца на руках. Еще одна демонстрация его силы.

Дверь за нами закрылась, приглушая детские голоса, но они продолжали звучать у меня в ушах так же громко, как минуту назад.

Кирилл притянул меня к себе, провел ладонью по спине. У меня по коже побежали мурашки. От омерзения? Не буду лгать: я не испытывала к нему физического отвращения и прочих полагающихся чувств, вроде гадливости, ненависти и тому подобного. Это может показаться невозможным, но рядом со мной по-прежнему был тот же милый обаятельный парень, которого я встретила в придорожном кафе.

И я его не боялась. Во всяком случае, пока.

В постели мне с ним было лучше, чем с кем бы то ни было другим. Классно мне было, что уж говорить! Я представила, как он сейчас дотащит меня до кровати и снова сделает все, чтобы мне было хорошо... Увидела со стороны, как я плыву, покрасневшая, в блаженном тумане, и меня охватило омерзение. Не к нему – к себе.

Я осторожно высвободилась.

– Слушай, такое дело... У меня месячные начались. Прости, я не думала, что...

Он тут же вскинул руки, останавливая меня.

– Все, понял! Тебе таблетки нужны? Может, но-шпу поискать? А хочешь массаж?

– Нет, спасибо. – Стоило мне это произнести, как я почувствовала, что скрутило живот. – Хотя, знаешь, может и стоит.

Пока он искал лекарство, я судорожно рассовала вещи из рюкзака по своим местам.

Глава 6

Кирилл

Он увидел девчонку в придорожной забегаловке: она обслуживала клиентов, носясь с тарелками. Первое, на что Кирилл обратил внимание, – как она двигалась. Не танцевала, боже упаси, не виляла призывно бедрами (эти якобы сексуальные движения всегда вызывали у него вместо возбуждения финский стыд). Официантка скользила, легко изворачиваясь, когда нужно было обогнуть человека или угол стола; она напомнила ему маленькое гибкое животное, лучше чувствующее себя в воде, чем на суше, – выдру или морского котика.

Он не мог оторвать от нее взгляда. Глупо, но испугался, что сейчас она обернется – и волшебство растает, или, того хуже, вместо цветка пыльным грибным облачком вспыхнет какая-нибудь ядовитая дрянь. У нее будет пирсинг брови. Дебильная нижняя челюсть. Он терпеть не мог тяжелые челюсти у женщин; даже актриса второго плана с квадратным подбородком могла напрочь испортить ему удовольствие от хорошего фильма. Или узкие припухшие глазки, прыщавая кожа...

Официантка обернулась и посмотрела прямо на него.

«Мое сердце остановилось, мое сердце за-мер-ло». Дым от сигареты водилы, курившего на парковке, встал неподвижным облаком, и жужжавшая возле окна муха зависла в воздухе.

Девушка уже была возле его столика, спрашивала, что он будет заказывать.

Кирилл что-то проговорил невразумительное, ткнув в первые попавшиеся строки меню.

Она кивнула, показывая, что все запомнила. Короткая волнистая прядь из челки упала ей на лицо, официантка машинально заправила ее за ухо.

Он догадался, что дурацкие косички она заплетает специально, чтобы выглядеть младше. Но его-то косичками было не провести. Кириллу встречался этот тип subtilных девушек, которые, смыв косметику, выглядели старшеклассницами. Он пригляделся и решил, что ей не меньше двадцати двух. Тихая бестия, лиса раскосая. Поразительно, что кроме него, больше никто не тарашился на это чудо.

Кицунэ. Оборотень. Когда она вернулась с тарелкой и наклонилась, Кирилл уловил слабый запах ландышей.

Он принял решение раньше, чем докуривший дальнобойщик затоптал окурок.

К чему оно может его привести, Кирилл старался не думать. Он, просчитывавший все не на три – на десять шагов вперед! В конце концов, сказал он себе, может, отпуск выдастся неурожайный.

И когда кицунэ подошла снова, показал ей фотографию коттеджа.

Ему вряд ли удалось бы ее убедить. Девчонка ошетичилась, как морской иглобрюх. Ну и темперамент, подумал Кирилл, сейчас как врежет мне – и отправлюсь путешествовать с фингалом, хотя с такой станется и стулом меня огреть...

Но тут случилось чудо. Чудо, как часто и бывает, явилось в таком обличье, что с первого взгляда его не распознал бы даже крайне экзальтированный человек. Упыриха в грязно-белом поварском халате вцепилась в девчонку жирными короткими пальцами, намереваясь утащить ее в свою нору и там высосать мозги и кровь.

Кирилл приготовился вступиться. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, кицунэ сделала такое, от чего у него глаза полезли на лоб.

Вилка! И ведь даже в лице не изменилась, когда у нее над ухом завывала эта жирная мегера. Черт возьми, ну и самообладание!

В машине она расслабилась, помягчала. Кирилл вез ее и всю дорогу боялся, что она взбрыкнет, потребует остановиться и высадить ее. Но кицунэ сидела тихо, как прирученная птичка, а когда въехали в лес, даже что-то зачирикала, и он, вслушиваясь в ее хриловатый голос, подумал, что отпуск будет удачным в любом случае, как бы все ни обернулось.

Но он и представить не мог, насколько удачным.

Жертву он наметил почти сразу. В предыдущих отпусках долго приглядывался, взвешивал, какая добыча будет самой достойной, а в этот раз понял буквально с первого взгляда. Амазонка! Сильная, плечистая. Кирилл любил женщин, которые способны сопротивляться, хоть им практически никогда не выпадало шанса применить силу против него.

К тому же красивая.

Как-то раз он нешуточно промахнулся с выбором и очутился в доме отдыха, где вокруг сбивались в веселые компании дряблые тетки предпенсионного возраста. Они хихикали, обтягивали ляжки лосинами непристойно ярких цветов, – розовыми, фиолетовыми, малиновыми, – носили идиотские панамы, по вечерам накачивались вином и были в восторге от самих себя. Одна из них как-то ущипнула его за задницу! Глумливый смех остальных долго потом звучал у него в ушах, хотя Кирилл, конечно, мило отшутился и завоевал их расположение. Сама мысль о том, чтобы охотиться среди такой добычи, была отвратительна. С тех пор он все взвешивал заранее, прикидывал, есть ли вокруг запасные уголья, где можно наткнуться на человека, достойного того, чтобы быть убитым рукой самого Зверобоя.

В этом прозвище была изрядная доля иронии. Фенимор Купер вывел своего Натаниэля Бампо сферическим охотником в вакууме. В детстве Кирилл обожал всю серию, но вернувшись к ней юношей, пришел в недоумение. Еще чуть позже ему попала на глаза статья Марка Твена «Литературные огрехи Фенимора Купера», и, читая ее, он хохотал до слез. В этом хохоте была и ирония над собой, простофилей, купившимся на блеск стекляшки и принявшим ее за бриллиант.

Тогда и появилось имя – Зверобой.

Но сам зверобой появился раньше.

Первую жертву он убил случайно. Все вышло так нелепо, что позже он мысленно отменил эту смерть, притворился, будто ее не было вовсе, и номером один назначил спортсмена-легкоатлета в подмосковном пансионате.

Однако спортсмен был всего лишь вторым.

Настоящему номеру первому было не больше пятнадцати, как и самому Кириллу. В отличие от Кирилла, номер первый был не мальчиком-мажором из благополучной семьи с любящими мамой и папой, а дворовой гопотой, тощим злобным крысенышем, скалившим гниловатые зубы и стрелявшим сигарету с такой интонацией, что взрослые мужики, собиравшиеся облагодетельствовать пацана назидательной формулой здоровья и долголетия, внезапно передумывали и молча отдавали требуемое. Кирилл уже в то время на любительском уровне занимался боксом и дважды в неделю тягал железо в качалке, но критическая разница между ним и Крысенышем заключалась в том, что навыки ближнего боя второму нужны были для выживания, а Кириллу – чтобы производить впечатление на девочек.

Они были знакомы издавна – жили в одном дворе. Изредка Крысеныш снисходил до молчаливого кивка. Кирилл трактовал это приветствие как жест если не уважения, то подтверждения его неприкосновенности. «Свой – своему». Поэтому, когда осенним вечером темнота в переулке сгустилась и нехотя выдавила из себя Крысеныша, он не сразу сообразил, что происходит.

– Позвонить есть? – без выражения поинтересовались у него.

Совсем уж домашним беспозвоночным Кирилл не был.

– Не звоню, бросил, – с легким сожалением сказал он.

Уже падая, ощутил во рту привкус крови и понял, что Крысеныш не стал тратить время на ритуалы.

Сильнее всего его поразила не боль и даже не неожиданность нападения. Но он был уверен, что гопник его узнал. И все равно обошелся с ним так же, как с бесчисленными терпилами. «Мы же с тобой из одного двора! – хотел заорать Кирилл. – Что творишь, беспредельщик?»

Парень бил его деловито, словно говорил: «Ничего личного». Будь это кто-то другой, Кирилл счел бы за лучшее сдаться и позволить выгнать у себя из карманов и телефон, и наличность. Но ведь Крысеныш сам ему кивал, первый! Взбешенный Кирилл ухитрился выбраться из-под врага и навалился на него всем весом. Тренировки не прошли даром. К тому же он был крупнее и мощнее.

Сидя верхом на Крысеныше, Кирилл заметил краем глаза белую змейку. Это была выпавшая из его кармана зарядка от сотового; он по забывчивости захватил ее из дома приятеля, когда заряжал свой севший айфон. Кирилл потянулся за ней, раскрылся, получил чувствительный удар по кадыку, и его тут же сбросили.

Но провод уже был в его руках.

Он начал душить Крысеныша лишь затем, чтобы тот успокоился. Просто отстал от него! Во всяком случае, так Кирилл говорил себе позже. Ведь иначе Крысеныш мог запросто убить его, верно? Тот был конченный отморозок. Все произошло в пылу драки; он пропустил момент, когда пора было ослабить провод.

Но в действительности Кирилл прочувствовал этот миг с небывалой остротой. До определенной секунды его враг извивался, бил головой назад, пытаясь достать Кирилла лбом в переносицу, подсовывал пальцы под удавку и сучил ногами, хрипя. Но очень быстро эти движения перешли в судорожные подергивания, а затем стихли вовсе, как и хрип.

Тело Крысеныша обмякло.

Но тот был еще жив, и Кирилл это знал.

Еще жив.

И листья над головой, и перерезавшие небо провода, и бензиновая лужа на асфальте, – он не видел ее, но ощущал запах, – и тусклый свет фонарей замерцали, и из них, как титры в кино, стали складываться слова: «Е Щ Ё Ж И В». Они были лишены привычного смысла и наполнены чем-то новым. Новое обрушилось на Кирилла, впитало его в себя, он стал частью его и потрясенно ощутил, что все изменилось.

Тело Крысеныша содрогалось, как гигантская рыба, выброшенная на берег, и Кирилл стал берегом, мелким песком, вбирающим в себя пульсацию живого – ещё живого. Бензиновая форель застыла в прыжке над черной зернистой водой асфальта, ее лоснящаяся шкура переливалась, и Кирилл почувствовал на языке вкус тающей подсоленной розовой мякоти. Дерево ветвилось черными

проводами, гигантское дерево обнимало город, и провода расцветали вспышками листьев, не видимыми никому, кроме Кирилла.

Он никогда не испытывал ничего подобного.

Желтые квадратики окон на краю периферического зрения начали перемещаться, как фигурки в тетрисе, и из них тоже собрались два слова. Это был пароль. Ключ. Он едва дышал, пригвожденный этим ключом к земле, будто мечом, и в то же время ощущал, как тот мягко проворачивается в его грудной клетке, открывая новую дверь.

Кирилл засмеялся от счастья и затянул провод ту же.

Позже он прочел, что некоторые убийцы сравнивают удовольствие от лишения человека жизни с оргазмом. «Как животные, ей-богу», – с презрением подумал Кирилл. Не было в той минуте ничего от немудреного, в общем, физического удовольствия, а только чистое торжество разума, как в математике, которую он с десятого класса полюбил с пылкостью Кая, осознавшего абсолютную красоту Снежной Королевы. Он не пытался разобраться в природе этого чувства. Это было таинство, доступное немногим (иногда мысленно он осмеливался сказать: «Избранным»).

Переживание, которое он испытал, глядя на задушенного Крысеныша, было уникальным. Оно было прекрасным, как звезда.

Кириллу потребовалось несколько лет, чтобы понять, что его можно повторить.

К тридцати годам он твердо знал, что больше всего удовольствия ему доставляет планирование. Убийство было только частью сценария. Не было никакого смысла в том, чтобы догнать в темном переулке подвыпившего прохожего и задушить. Когда однажды Кириллу все-таки повстречался в переулке пьяный, тот лежал в сугробе, в распахнутом пальто, а вокруг скрежетал тридцатиградусный мороз. Кирилл вызывал скорую, а затем волок алкаша на себе до машины, потому что шофер отказался забираться в глубоченную снежную колею переулка.

Однажды он с удивлением осознал, что восемьдесят процентов своего времени живет в будущем. Мысленно он был там, где похрустывал наст или пробивалось сквозь листву утреннее солнце, крался, прятался, выслеживал... Нападал.

Когда удавка затягивалась на шее жертвы, время спрессовывалось. Он проживал за эти несколько минут все незамеченные месяцы, пустые недели, похожие одна на другую, – но проживал в другой реальности, концентрированной, плотной, оглушительной, как выстрел, как фейерверк, и такой же прекрасной.

Дважды в год он выезжал в пансионат или отель, расположенный в лесистой местности. Никогда не повторялся. Заранее разведав диспозицию, Кирилл определял, где будет охотиться, если на основном участке дело не заладится.

Он изучал гугл-карты. Выбирал правильную, по погоде, одежду. Он научился быстро и долго ходить, ориентироваться и стрелять, хотя у него никогда не было собственного огнестрельного оружия. Имя «Зверобой» требовало соответствующих усилий, и он занялся метанием ножа. Это успокаивало. Но и нож он с собой на охоту не брал ни разу: при одной мысли о кровопускании ему становилось дурно. В глубине души он иногда сомневался, что в его жилах течет та же густая неприятная жидкость, что у всех.

Из оружия Кирилл носил с собой только нейлоновую гитарную струну. Свернувшаяся в кармане белая змейка напоминала проводок-зарядку. Со спортсменом все получилось легко, а вот на следующей охоте жертва попалась живучая, верткая, и он, натягивая струну, изранил себе все пальцы. Хоть он и закапывал трупы, нельзя было исключать неприятной случайности. Никакой крови. Никаких следов.

С тех пор к струне в кармане прибавились тонкие кожаные перчатки.

Одно время Кирилл экспериментировал. Например, привязывал к одному концу струны грузик – тяжелую металлическую шайбу. Он вычитал об этом способе в книге об охоте индейцев. Охотник подкрадывался к добыче, бросал грузик, держа веревку за свободный конец, и захлестывал шею животного, а затем резко дергал вниз.

Кирилл повторил все в точности и остался разочарован. Слишком много суеты, много лишних движений. Он любил, чтобы все было отточено, лаконично, просто.

Выбирал красивую, сильную, в идеале – умную добычу. Просчитывал ее маршрут. Следил. Изучал круг общения.

Импровизировал крайне редко. Ему нравилось следовать плану.

Убивал быстро. Радовался, когда получалось бескровно. Никогда не мучил своих жертв. Он вообще считал себя противником насилия и яростно сражался на сетевых форумах, отстаивая права женщин и защищая идеи феминизма.

Он читал, что серийные убийцы втайне желают, чтобы их поймали. Кирилл ни о чем подобном не мечтал, однако не мог не признаваться себе, что ему действительно не хватает зрителей. В конце концов, то, что он делал, заслуживало восхищения! В некотором роде каждая его охота была произведением искусства.

Где зрители, там и вероятность разоблачения. Мысль о том, что он может попасть в тюрьму, вызывала в нем чувство, близкое к панике, и Кирилл, обдумав все, пришел к выводу, что ему необходимо подстраховаться. Он ощущал себя намного увереннее, когда у него был план Б.

В его идеальной, выверенной охоте было лишь одно слабое место. Во всех пансионатах, лагерях и на турбазах он регистрировался под собственной фамилией. Не делать же каждый раз фальшивые паспорта! У него был выход на человека, который мог помочь в этом вопросе, но Кирилл не считал возможным разменивать такой ценный контакт на мелочи. Взвесив все, он решил, что уголовные дела об исчезновениях никогда не объединят в одно. Слишком далеко были разбросаны друг от друга его охотничьи угодья, к тому же в их выборе он не придерживался никакой системы. Каждое предполагаемое убийство будет расследоваться само по себе, а значит, никто не сверит списки постояльцев и не обнаружит одну-единственную фамилию, кочующую из одного списка в другой.

Время от времени он проверял криминальную хронику. Некоторые из его жертв были обнаружены. Лишь одну нашли почти сразу (его подвела случайность), а остальные успели пролежать несколько месяцев, и земля уничтожила следы.

Но запасной план был необходим. Нельзя недооценивать противника. Что, если попадется ум, если не равный его собственному (этого случиться не могло – такие умы не идут работать в полицию), то отчасти компенсирующий отсутствие таланта вьедливостью и опытом? Бывают же упорные педанты, буквоеды, скучные, как вареная курица, но дотошные.

Одному из них могло прийти в голову сравнить способы убийства.

«Удушение без признаков сексуального насилия». Кирилл, внутренне усмехаясь, признавал, что он сильнее запутал бы своего гипотетического преследователя, если бы трахал полуживых теток. Но на это он пойти не мог. Осквернять охоту? Какая мерзость.

Секс – это голая физиология. А его полет души не имеет с физиологией ничего общего.

К тому же он был убежден, что своих жертв насилуют только извращенцы

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-mihalkova/prezhde-chem-ivolga-propoet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)